

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ по ДОСТУПНОЙ ЦЕНЕ!

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

Евгений ГАРКУШЕВ

Авалон-2314

Народная фантастика

Евгений Гаркушев

Авалон-2314

«ЭКСМО»

2014

Гаркушев Е. Н.

Авалон-2314 / Е. Н. Гаркушев — «Эксмо», 2014 — (Народная фантастика)

ISBN 978-5-699-76332-0

Далекое будущее... Кровопролитные войны и экологическая катастрофа поставили человечество на грань вымирания, но выход был найден. Корпорация «Авалон» разработала технологию воскрешения давно умерших людей. Но выходцев из прошлого на Земле 2314 года не ждут райские кущи. Воскрешенным самим приходится зарабатывать на жизнь. Великий философ Фридрих Ницше оказывается на свалке. Он не желает бороться за существование по правилам жесткого мира будущего, предпочитая оказаться в самом низу. Но в покое Ницше не оставляют. На него начинается самая настоящая охота...

ISBN 978-5-699-76332-0

© Гаркушев Е. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Евгений Гаркушев

Авалон-2314

© Гаркушев Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

– Карамазов! – крикнул Коля. – Неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

– Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, – полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.

– Ах, как это будет хорошо! – вырвалось у Коли.

Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы

Часть первая

Возвращение

Гудение, монотонное и однообразное, лишь временами переходящее в тонкий писк, темнота. Звук присутствовал, а вот света не было. Меня мало волновало, почему вокруг темно, и слабо интересовало, откуда идет гул. Я не задумывался над тем, где я и кто я, не пытался разобраться в ощущениях. Даже не наблюдал – просто был.

Спустя вечность появились какие-то светлые пятна, а за монотонным гулом начала угадываться музыка – что-то нейтральное, классическое, напominившее утренники в детских садах и передачи по проводному радио. Я вспомнил радио, детский сад и впервые задумался о времени. Начал рассуждать о том, где нахожусь, что происходит вокруг. Понял, что дышу и совсем не слышу запахов. Кажется, у меня онемели руки и ноги... Я попробовал пошевелиться и потерял сознание.

Очнулся я на странной кровати, в большой комнате с голубоватыми стенами и белым потолком. Вокруг – никого. Дверь в комнату была закрыта. Я сел и огляделся. Похоже, больничная палата... А одежды на мне не оказалось. Незадача...

Другое оказалось важнее. Внезапно я осознал, что должен был умереть. И даже, может быть, умер. Но нет! Ведь я нахожусь здесь и сейчас, и не в бестелесном облике – руки, ноги на месте, да еще и прекрасно меня слушаются. Значит, все-таки не умер. Значит... Люди не умирают никогда?

Умозаключение было не слишком логичным, но показалось мне единственно верным и таким радостным, что я невольно улыбнулся. Я жив. Нет боли. И смерти тоже нет.

Может быть, мне снится сон? Но и сон должен иметь свою причину, а главное, логику событий. Я потянулся и нажал на кнопку вызова врача над кроватью. Не похоже было, что она сработала, – ни щелчка, ни звонка, да и удалось ли мне сдвинуть красный «пяточок» с места, вдавить так, как надо? Спустя несколько секунд дверь отворилась, на пороге появился молодой человек в белом халате.

– Здравствуйте! – врач улыбнулся широко, но несколько равнодушно. – Хорошо, что вы очнулись.

– Да, – согласился я.

– Пить?

– Нет, спасибо.

– Хотите увидеть сына?

– Конечно.

– Он подойдет через час. А сейчас вам принесут одежду и накормят, если вы голодны.

Непонятно, почему Никиту нужно ждать час. Вернее, странного в этом ничего нет – сын может быть занят, не должен же он дежурить у моей постели все время... Только почему доктор сразу спросил, хочу ли я его видеть, если в ближайшее время Никита не появится? Да и уверенность, с которой эскулап говорил о предстоящем визите сына, настораживала. Словно все было спланировано заранее, Никита ожидал моего пробуждения, а потом отложил встречу – именно на час. Зачем? Я беспокоился не о себе, а о сыне. С ним что-то произошло? И где я все-таки нахожусь?

* * *

Одежда, которую мне выдали двое неразговорчивых молодых людей в зеленых халатах, оказалась без швов. Не хлопок, не лен, а синтетика, но синтетика приятная, словно бы нату-

ральное волокно, а не резина. Размер подошел как нельзя впору, вещи были совсем новые. А где же моя старая одежда? Вопрос почему-то сильно взволновал меня, хотя я совершенно не помнил, в какой одежде был перед тем, как попал сюда, не говоря уже о том, что случилось до этого.

Как только я оделся, доктор предложил выйти и подождать Никиту в саду. Выписывают?

Еще один холл – окна в нем были стрельчатыми, в них сияло яркое синее небо, – серебристая пластиковая дверь, и мы оказались в зарослях вечнозеленых кустарников, названия которых я не знал. Посреди небольшого дворика, ограниченного с трех сторон стенами здания, а с четвертой – глухим серым забором, росла магнолия с тяжелыми маслянистыми листьями. Я сел на лавочку, а доктор ободряюще улыбнулся и ушел, не прощаясь.

Воздух во дворе был ароматным и теплым. Едва слышно пах спрятавшийся в листьях огромный цветок магнолии. Откуда-то доносился запах свежескошенной травы. Я задумался о времени года – что сейчас: лето, весна? И когда я потерял счет времени? Даже думал, что умер? Вспоминалось плохо. Наверное, я долго и тяжело болел. Но почему сейчас чувствую себя хорошо, если не сказать отлично? Мышцы словно накачали энергией, дышалось легко, настроение было прекрасным.

Кусочек неба, видимый из сада, сиял пронзительной голубизной. Два облачных следа поднимались от земли почти отвесно, чуть наклоняясь в вышине. Дым от костров? Нет... Похоже на инверсионный след самолета, только самолеты не стартуют с земли, как ракеты, отвесно вверх. А ракеты не оставляют таких следов.

Скрипнул гравий на дорожке. Я посмотрел туда и увидел Никиту. Совсем молодой, почти мальчик. Нет седины в волосах, нет морщин – словно ему двадцать лет.

– Папа! – Губы сына дрогнули.

– Никита!

Я без труда поднялся ему навстречу – и вспомнил, что в прошлый раз при встрече с ним мне пришлось опираться на палку.

– Ты такой молодой, папа! Видел себя в зеркало?

– Нет. Отчего же я помолодел? Интенсивная терапия?

– Возрождение. Мы в будущем, папа. Тебя только что воскресили. Сейчас две тысячи триста четырнадцатый год.

Однако. Эта новость была бы потрясающей, если бы я оценивал ее со стороны. А в реальности она не произвела на меня ошеломляющего впечатления. Сказал бы Никита, что мы в прошлом, тогда бы я, пожалуй, удивился. А будущее наступает всегда. Правда, дата впечатляла. Я помнил совсем другие года...

– Ты... давно здесь?

– Не слишком. Меня тоже воскресили. Три месяца назад.

Я вздрогнул. Мой сын умер. И воскрешен. Все нормально? Или не все? Есть ли повод беспокоиться?

– Здесь хорошо, папа, – продолжил Никита. – И главное, мы скоро встретимся с мамой. И с бабушкой. Я уже вспомнил деда. Но и твои воспоминания пригодятся.

Я положил руку на плечо сына:

– Подожди, малыш. Что значит «вспомнил деда»? У тебя проблемы с памятью?

– Нет, – Никита улыбнулся. – Понимаешь, сейчас это так называется. Кирилл вспомнил меня, потом мы вспомнили тебя, сейчас дошла очередь и до деда. С тобой надежнее, проще, правильнее. Ты первый, кого вспомнил я. Ведь Кирилл уже жил, когда меня воскресили.

Кирилл... Маленький забавный Кируша. Увидев Никиту таким юным, я словно бы вернулся в свою молодость и забыл, что у меня есть внук, а у Никиты – сын. Сколько лет ему было, когда я состарился? А ведь немало!

Интересно устроена память. Ассоциации, отправные точки, системы отсчета... Когда я вспоминаю маму, бабушку, отца, я всегда смотрю на них словно снизу вверх. Стоя на еще нетвердых ногах на полу бабушкиного дома, где прошло мое раннее детство. Сколько лет я смотрел на них снизу? Десять, может быть, двенадцать. Потом стал выше, и выше был гораздо дольше – но все равно, чтобы представить бабушку ниже себя, мне нужно вспомнить конкретный эпизод, реальный случай. А бабушка, просто бабушка – всегда выше меня. И я тяну к ней руки, стоя на старом деревянном полу.

– Значит, Кирилл тоже здесь... Я смогу его увидеть?

– Конечно. Твое воскрешение – большой праздник для нас. Но Кирилл работает. Он уже два года как живет новой жизнью. Сейчас отправился в командировку на Луну. Не стал отказываться от такого заманчивого предложения, ведь он на Луне прежде не был, хотя сейчас туда летают регулярные рейсы. – Никита замялся. – Понимаешь, воскресение теперь – обыденная процедура. Ты участвуешь в проекте, помогаешь вспомнить человека, а потом даже не приходишь с ним повидаться.

– И меня никто повидать не захотел? – спросил я.

– Что ты! Хотят, конечно, тебя увидеть. Тебя многие помнят и любят. Но встречает кто-то один – так принято. Чтобы тот, кто вернулся к жизни, успел привыкнуть, подумать. Здесь вообще нужно много думать... Позже будут приходить, звонить, писать письма. Сколько лет тебя не видели люди? Правда, многие из них сами только что начали жить, им тоже нужно разобраться в окружающей реальности. А некоторых просто нет. Еще нет.

Вот так. Раньше в ходу был оборот «уже нет», теперь – «еще нет». Занятно... Я еще плохо осознавал, куда попал, но уже начал догадываться, что все совсем не просто. Выходит, это я видел Никиту пару дней назад по своему личному времени. А он жил без меня много лет. Для него я – далекое воспоминание. Близкий человек, к потере которого уже привык. Для Кирилла – тем более. Хотя... Для того чтобы увидеть прямо сейчас маму, отца, бабушку, деда, я пошел бы пешком на край света.

А если у меня всегда будет возможность повидаться с ними, если я уверен в том, что они воскреснут и будут жить вечно? Тогда спешить действительно некуда.

– В центре больше нечего делать. Поехали домой! – широко улыбнулся Никита. – Правда, у тебя теперь новый дом – старый давно снесли. Надеюсь, квартира тебе понравится. Я сам выбирал.

– Ты купил мне новую квартиру?

– Не то чтобы купил – работать только начинаю, больших денег не скопил. Получил для тебя жилье по социальному минимуму – всегда лучше жить в собственной квартире, чем в общежитии. Ведь так?

– Наверное.

– Сейчас некоторые предпочитают общежития. Боятся одиночества. Да и общежития удобные, с отдельными комнатами и централизованным питанием. Что-то вроде санатория. Но ты, насколько я помню, всегда был самостоятельным?

– Точно, – подтвердил я.

– Пока тебе, надеюсь, хватит однокомнатной квартиры. Если не понравится новое жилье, или дом, или район, можно без труда обменять квартиру и переехать.

Как-то сами собой вспомнились строчки из детства: «Человек имеет право на жилье». Неужели и в самом деле имеет? И люди наконец-то построили столько домов, что могут не ютиться на нескольких квадратных метрах, мешая родственникам и соседям, а жить спокойно и достойно?

– И еще... – Мне не хотелось выглядеть глупо, по-стариковски, хотя в вопросе не было совершенно ничего странного. Меня мало волновало мнение чужих людей, но сын – другое дело. – Я не понимаю, в каком мы городе? Магнолия, теплый ветер, столбы дыма в небе...

– Мы почти дома. В Ростове, – сказал сын. – Город разросся, теперь его не узнать. Таганрог, Шахты – пригороды, Азов и Новочеркасск – районы. Вокруг – не только возделываемые поля, но и леса. Многое изменилось за триста лет.

– Потеплело?

– Да. Снег сейчас выпадает только за Полярным кругом. У нас – вечное лето, и в Москве тоже. Только в Питере зимой становится прохладнее.

– Жара круглый год?

– В целом терпимо. Спасают кондиционеры и отражатели. Во всяком случае, так говорят, – не очень уверенно заявил сын. – Я еще и года не живу. Понимаешь?

– Вполне.

Действительно, не много ли я хочу для первых часов новой жизни? Скоро увижу все сам.

– Поехали домой, – предложил Никита.

– С доктором прощаться не будем?

– С каким доктором? – удивился сын.

– Кто-то ведь руководил процессом воскрешения? Должен я ему сказать спасибо?

– Тебя воскрешала мощнейшая интеллектуальная автоматическая система. Думаю, она не нуждается в благодарностях.

– Ясно. Не нужно ничего подписывать? Оформлять документы на выписку?

– Документы давно оформлены. Бюрократия пока не изжила себя полностью, но жить стало гораздо легче. Делами управляют компьютеры, они знают о нас все. Не приходится заполнять сотни бумаг и стоять в очередях – решения принимаются практически мгновенно, информация хранится в электронных файлах. Даже удостоверений личности нет. Тебя всегда узнают в лицо.

Поверить в такие особенности прогресса было труднее всего.

* * *

Хонгр вышел из пещеры, потянулся, огляделся по сторонам, хотя понимал, что толку в этом мало. Небо было затянуто серыми тучами, но в некоторых диапазонах и через них со спутника можно наблюдать за тем, что происходит внизу.

Обогнув нагромождение скал, закрывающее полянку перед пещерой и вход в нее от посторонних глаз, Хонгр побрел в лес за хворостом. Ходить с каждым днем приходится все дальше, а без костра не вскипятишь воду, не приготовишь еду, да и ночами, как ни крути, прохладно. Некоторые умельцы селились рядом с силовыми линиями, крепили на них резонаторы или даже накидывали провода и пользовались дармовой энергией, а заодно и высокоскоростной связью, но Хонгр считал такие действия большой глупостью. Проще тогда поселиться в городе, в одной из пустующих квартир – меньше риска, что техники обнаружат утечку энергии и прилетят выяснить, что произошло.

Если требуется скрытность, нужно проявлять ее во всем. Натуральное хозяйство, никаких контактов с внешним миром, только по проверенным каналам. И ни в коем случае никакой суеты. Мало ли пастухов на обширных равнинах Азии? Мало ли тех, кто отказался от благ цивилизации ради единения с природой?

Жаль, конечно, что поселиться пришлось далеко от родной Калмыкии. Но в милых сердцу степях не спрячешься – укрытий почти нет, а людей стало слишком много. Зато здесь, в Северной Монголии, можно днями пасти овец и не встретить человека, не увидеть в небе ракетоплана или легкого планера. От спутников слежения, конечно, не скрыться нигде, но не могут же они постоянно наблюдать за каждым человеком? Особенно если этот человек ничего плохого не делает, просто пасет овец, которых в этих краях немало. Как и законопослушных пастухов.

Многие сейчас идут в пастухи – работа на воздухе, безмятежность... И главное, всегда можно оставить пастушеское дело, если надоест. Стать оператором термоядерной станции, диспетчером баллистической почты, контролером линии сборки. Программистом, на худой конец. Хонгр слышал, что даже некоторые программисты завязывали с любимой работой в этом безумном мире. Хотя такие вещи, конечно, случались редко.

Сам Хонгр не считал себя программистом. Если он и имел хакерские навыки, то использовал их не для заработка денег, а для главного дела своей жизни, дела, ради которого он и поселился в глуши, с утра до вечера слушая бляные овец и бродя по лесу.

Вспомнив об овцах, Хонгр ускорил шаг. Животных нужно выгнать на поляну, они уже давно хотят есть. Овцы, в отличие от него, просыпаются с рассветом. Правда, и он в последнее время не засиживается допоздна – незачем. Но встать вместе с солнцем, а то и до света, Хонгр еще не научился – опыта сельской жизни у него было маловато.

* * *

На улице раздавалось гораздо больше звуков, чем в больничном дворе: шуршание, лязг, пощелкивание, свист. Определить по шуму, что происходит вокруг, я не мог – слишком чужими и непривычными казались звуки.

Современная городская архитектура тоже изменилась, хотя не слишком разительно. Высотные здания – сплошь из зеркального стекла. С ними соседствовали низкие домики, некоторые даже из камня и кирпича, но с зеркальными крышами. Повсюду на улицах возвышались ажурные металлические опоры, между которыми в несколько рядов – как по высоте, так и по ширине – тянулись сверкающие в солнечном свете тонкие металлические струны. По этим струнам мчались разноцветные кабинки: большие, размером с легковой автомобиль представительского класса, средние, с платяной шкафом, и совсем маленькие, с посылочный ящик.

– Я вызвал такси две минуты назад, – сообщил Никита. – Для первой поездки можно позволить себе небольшую роскошь, а вообще я пока стараюсь экономить. Доходы и расходы трудно соотносить – цены на продукты и услуги сейчас совсем не те, что в наше время, а жить в долг у потомков не хочу.

– Ты ничего не путаешь? – переспросил я сына. – Две минуты назад ты разговаривал со мной и не вызывал никакого такси.

– Вызывал. Да только связь сейчас не такая, как была у нас. Ты сам и компьютер, и телефон. Вечером научишься пользоваться имплантатами и увидишь много нового. Я пока не активирую твой имплантат – нам еще ехать, а к новым возможностям нужно привыкнуть.

Никита взял меня за руку, и я увидел на собственном запястье совершенно неосязаемый миниатюрный разъем. Пластик, казалось, сросся с кожей и был того же цвета. Когда я попытался сдвинуть пластиковую шторку ногтем, она не захотела открываться.

– Имплантаты совершенно безопасны и очень удобны, – успокоил меня сын. – Хотя я долго не мог к ним привыкнуть. Сначала даже пытался протестовать, что их вживили в тело без моего ведома. Но когда узнал, что их в любой момент можно удалить по собственному желанию, стало спокойнее.

– Значит, и я пока протестовать подожду... А дальше видно будет.

Сын указал на зеленую кабинку, которая неведомо откуда появилась на тротуаре, и мы забрались в нее – пришлось нагибаться, но внутри оказалось уютно и не слишком тесно. Два мягких кожаных кресла, полочки перед ними, несколько разъемов и штекеров на передней панели.

– Тронулись! – задорно крикнул Никита, и кабинка подпрыгнула на три этажа вверх, зацепилась за струну во втором ряду и бодро помчалась над улицей.

– Фасонишь? – спросил я. Не скажу, что прыжок оставил меня равнодушным, душа в пятки ушла, хотя физического дискомфорта я не ощутил.

– Не без того, – улыбнулся сын.

– Управление кабиной – мысленное?

– С помощью имплантатов и других электронных приспособлений. Я указал, куда нам нужно, такси ведет диспетчер. Самому и пытаться не стоит – здесь ведь не горизонтальная восьмиполосная дорога.

Назвать манеру вождения механического диспетчера спокойной не поворачивался язык. Кабина то и дело перескакивала со струны на струну – и вправо, и влево, и вниз, и вверх. Никита объяснил мне, что каждая струна является универсальным кабелем, поддерживающим мобиль – так сейчас назывались ползающие по паутинкам автомобили, которые могли катиться и по земле, но весьма неуклюже из-за маленьких колес. Кабель дает энергию мобилу и, кроме того, служит для передачи огромных объемов информации. Радиосвязь не слишком надежна, когда дело касается безопасности жизни людей и управления большими потоками информации, поэтому основные массивы данных на Земле передаются по универсальным струнам и многократно дублируются.

Никита рассказал, что струны протянуты между опорами в каждом городе, у каждого дома, над лесами, пустынями и даже над океанами, и образуют единую разветвленную сеть.

* * *

Овцы вяло пережевывали жухлую траву, время от времени тихонько блеяли. Хонгр лежал под елкой, на сухой хвое. Руки и шею слегка кололо, но на такие мелочи он внимания не обращал – спина надежна защищена прочным пуховиком, которому ни иголки, ни острые камни нипочем. Хорошо сейчас делают одежду. Очень хорошо... Оружие – хуже.

Лежать было приятно, на душе спокойно, но на мягких подушках, на подстилке из сена и даже на синтепоновом пуховике в вечность не въедешь. Хонгр выудил из рюкзака шар лэптопа, активировал голографический экран, сенсорно-голографическую клавиатуру и погрузился в изучение документов. Лэптоп подарили соратники, они же снабдили его автономной базой данных, о которой можно только мечтать. Как столько разнообразной информации помещается в таком небольшом шарике? С другой стороны, помещается же еще больше информации в человеческой голове. А хранение информации – пусть и немаловажная, но далеко не единственная функция мозга.

Несколько прикосновений к голосенсорам – и на экране появились знакомые пейзажи Тибета. Место дислокации первой революционной бригады. Памятник бойцам второй бригады, большая часть которых полегла в танковой битве под Недонгом. Несколько общих фотографий и голограмм бойцов третьего сводного корпуса. Хонгр поискал себя и соратников. Нет, незнакомые лица. В то время, когда делались эти снимки, он был где-то далеко или уже погиб, защищая революцию. Сложил голову под Шигацзе, в нелепой засаде, которую устроили чудом уцелевшие китайцы.

Хонгр поморщился. Неужели вся их борьба оказалась напрасной? Неужели он погиб зря? Тибет по-прежнему входит в состав Китая, хоть и обладает значительной автономией. Да и остальные государства слишком взаимосвязаны, чтобы говорить о какой-то независимости. Та же Монголия тяготеет к России и Китаю. Кто больше даст, тот больше возьмет. Но пока гиганты борются, здесь сравнительно спокойно. Можно скрываться от посторонних глаз, изучать обстановку, внутренние противоречия общества – и готовиться к революции. Власть не должна быть в руках преступного синдиката машин и капиталистов.

Что представляют собой нынешние люди? Они променяли свободу на теплую кормушку, слепо подчиняются законам и плодят себе подобных – причем не естественным путем, а вос-

крешая мертвецов. Да, и Хонгр восстал из мертвых противоестественным путем, но в этом была высшая справедливость. Он умер молодым. И согласен прожить жизнь еще раз и в любой момент положить ее на алтарь революции.

Миром должно править не обуржуазившееся население, а буйные романтики, которые сами способны устроить свою судьбу, которые не подчиняются командам сверхразумных компьютеров. Не исключено, что через вживленные имплантаты, суперкомпьютеры и супермощные линии связи человечеством управляют враждебные инопланетяне, заговорщики или какие-то другие неведомые темные силы. Всему этому раз и навсегда нужно положить конец. Взять под контроль центры воскрешения, сделать прозрачной систему управления.

Хонгр не разделял взглядов экстремистов, которые считали, что незачем плодить никому не нужную посредственность, уничтоженную естественным отбором, – унылых обитателей мрачных веков. Каждому человеку надо дать шанс. Но в том-то и дело, что машины ставили препоны для воскрешения соратников!

Шар лэптопа задрожал, экран и клавиатура сменили приятный синеватый цвет на тревожный сиреневый, сигнализируя о вызове по кодированному каналу, с известным только нескольким соратникам паролем. Хонгр напрягся, боковым зрением убедился в наличии автомата и только после этого движением руки по голопанели подтвердил прием вызова.

На экране появилось хорошенькое личико Лилии. Общение с ней гораздо приятнее, чем с любым из соратников, и, главное, куда безопаснее. Но все же достаточно опасно...

Лилию Хонгр знал совсем недолго. Познакомился случайно, бродя по горам. Сразу заподозрил, что она – законспирированный агент современной охраны, вышедшей на его след. Но после короткого разговора подозрения по отношению к милой и интересной девушке приугасли. Она была коренной жительницей этих мест, наполовину монголкой, отчасти – китайкой и русской. Общались по-русски, как и многие здесь, но китайский девушка тоже знала отлично. Хонгр этим языком владел не в совершенстве, а использовать новомодные программы, обучающие с помощью прямого проникновения в мозг, пока не желал, хотя знания языков за плечами не носить – всегда могут пригодиться.

Но даже если бы Лилия была агентом, устранение ее не дало бы никакого результата. Более того, Хонгра мгновенно вычислили бы и, как у них здесь говорят, нейтрализовали. Поэтому революционер решил совместить приятное с полезным и познакомиться с девушкой поближе. Пару раз они коннектились, а недавно договорились встретиться и подняться на сопку, которую местные называли Дарханка – «гора мастеров».

– Чем занимаешься? – с простотой невинного человека или, напротив, работника следственных органов спросила Лилия.

– Овец пасу, – улыбнувшись, ответил Хонгр. – Можешь даже не спрашивать в следующий раз – я этим занимаюсь практически всегда, если только не сплю.

– И тебя никто не сменяет?

– А у тебя есть интересные предложения? – Хонгр улыбнулся так широко, что улыбка его начала напоминать оскал.

– Я сегодня как раз свободна. Вчера сдала экзамен в университете, получила проходной балл. Теперь можно браться за изучение следующего курса.

– Поздравляю. Хочешь отметить победу восхождением?

– На гору? – уточнила Лилия.

– Да.

– Было бы здорово. Ты говорил, что знаешь интересные тропинки?

– Изучаю окрестности, когда есть время.

– Тогда встретимся во второй половине дня? За тобой заехать?

– Конечно. Я выйду тебе навстречу – по лесу не проберешься на машине. Позвони за час или за два. – Хонгр еще раз улыбнулся на прощание и оборвал связь.

Соратники его за такие знакомства по голове не погладили бы. Сдавать конспиративное убежище незнакомой девушке рискованно. А ответив на ее звонок, точнее, на обращение по Сети, он наверняка раскроет свое фактическое местоположение. Но надеяться, что его не вычислят, если захотят, попросту глупо. Нужно лишь вести себя естественно, а кто чем занимается и к чему готовится, особенно в этих пустынных краях, – не дело властей перенаселенного Китая или занятой своими проблемами России.

* * *

Сын выбрал мне квартиру на двадцать восьмом этаже круглой стеклянной башни в пригороде, на месте прежнего Новочеркасска. Всего этажей в башне оказалось тридцать пять, так что я поселился ближе к крыше. Первые три этажа занимали торговые залы, ателье и конторы, на крыше был разбит небольшой парк с карликовыми деревьями, кустами и фонтанами. С земли был заметен только округлый купол, прикрывающий парк и дом от ярких солнечных лучей.

Новый дом мне понравился – люблю башни, открытые всем ветрам, и красивый вид из окна: зеленые рощи, сверкающие громады домов, широкие тротуары бульваров, велосипедные дорожки... Струны с ползущими по ним кабинками не портили вид. Яркий мобиль над рощей, напротив, придавал пейзажу пикантности. С большого балкона хорошо просматривались массивы теплиц и зеленых насаждений на севере.

Кроме жилой комнаты, вытянутой к единственному в квартире окну, в моем новом жилье имелась средних размеров кухня и небольшой холл с выходом в туалет и ванну. Квартира была вытянута от внешней стены к входу, который, в свою очередь, располагался во внутреннем пространстве башни, рядом с десятком других. Современные социальные нормы оказались не так плохи, но башенная архитектура накладывала свой отпечаток на планировку жилья. Похоже, башни здесь и востребованны, и удобны. Людей на Земле прибавилось, а места осталось столько же.

Прощаясь, сын дал мне несколько брошюр, в том числе о технологии воскрешения. Они были отпечатаны на самой настоящей бумаге, хотя меня вполне устроил бы компьютерный файл. Напечатать брошюру, наверное, проще, чем создавать привычные нам приставки с монитором и клавиатурой, – современная техника вряд ли легкодоступна для жителей двадцать первого века, да и воспользоваться бумажной брошюрой смогут люди из двадцатого, девятнадцатого веков...

Надо отдать должное создателям дружественного интерфейса человек – компьютерные системы. Пользуясь советами брошюры, я разобрался с тем, как активировать имплантаты, минут за двадцать.

Освоившись с бытовой техникой, я переключился на изучение виртуального пространства вокруг себя. Оказалось, что при помощи имплантатов можно заказать пиццу или обед из ресторана, связаться с родственниками и знакомыми, узнать новости и принять участие в множестве дискуссий.

Притушив свет, я заметил, что на улице не очень темно. В небе появилось несколько довольно крупных светящихся объектов, рассеивающих тьму над городом, – поменьше луны, но дающих достаточно бледного призрачного света. Это орбитальные зеркала, впервые их начали проектировать и выводить на орбиту еще при моей жизни. Хорошее приспособление. Зачем тратить электроэнергию на уличное освещение, когда можно повесить дармовой фонарь в небе? Светили зеркала не очень ярко – полагаю, для того, чтобы не нагревать планету, климат которой и так изменился в теплую сторону.

Близилась полночь. Лучшее время для того, чтобы выйти в Сеть. Мысль была из прошлой жизни. Но ведь Сеть осталась, пусть это и не привычный для меня Интернет! Да что

там осталась – она процветает и занимает в жизни современных людей куда больше места, чем в наше время. Хотелось увидеть, как она выглядит сейчас, тем более что я научился пользоваться имплантатами.

Инструкция в брошюрке настоятельно советовала пользователям, не имеющим соответствующих технических знаний, осуществлять процедуру подключения только под контролем специалиста. Но разве я не разберусь с техникой, которой в этом веке пользуются малыши? Ведь сейчас дети не ходят в школу так, как раньше. Все знания ребенок получает при помощи домашнего компьютера, в виртуальном пространстве.

Активировав имплантаты подключения к виртуальному пространству мысленной командой, я испытал шок. Потому что из удобного кресла в новой квартире попал в иное измерение. Провалился полностью, без остатка. Дружественное меню висело перед глазами, команда «выход» светилась уверенным красным пятном – потянись к нему, и окажешься в реальном мире.

Аналог поисковика – навигатор – тоже постоянно находился в поле зрения. Наверняка его можно было убрать, но я пока не решался. А вокруг... Чего только не было вокруг! Сновали люди и звери – компьютерные аналоги тех, кто вошел в виртуальное пространство неподалеку от меня.

Сияли рекламные вывески. Хочешь – воспользуйся дверью, а хочешь – потянись к ним мысленно и окажешься в библиотеке, в магазине, в модном салоне. Товары в магазине можно потрогать, понюхать, даже попробовать на зуб и заказать на дом. А в парикмахерской вам сделают отличную стрижку за несколько секунд, останется только купить программу для домашнего косметического комбайна. Механическая машинка для стрижки считала данные с ваших имплантатов. Но над прической, которую вам сделают, работал специалист-парикмахер. Может быть, даже живой. Если не живой, а кибернетический – то интеллектуальный, образованный и с хорошим вкусом.

Знания сами собой всплывали в памяти. Словно открывался доступ к новым участкам мозга, на которых была записана нужная информация, или я уже посещал виртуальную реальность? Только когда? В прошлой жизни? В снах? Последнее вероятнее. Ведь процедура воскрешения, должно быть, сродни компьютерному моделированию. И пусть я не помню блужданий в виртуальном пространстве, здесь работали над моим «эго». Значит, что-то я уже видел. А может, все проще, и базовые знания загружались из памяти имплантатов?

Я медленно брел по виртуальной улице и глазел по сторонам. Девушки вокруг были удивительно красивы, мужчин отличало прекрасное сложение и интересные прически. Одежда – самая разная, причудливая и яркая. Но не только люди встречались на улицах. Из библиотеки вышел парень с головой тигра на плечах и мощными когтями на нечеловеческих руках. В незаметную дверь под огромным черным зданием без вывесок юркнул то ли сатир, то ли бес. В магазин модных сумок вплыла, делая грациозные движения хвостом, русалка – зеленые волосы до плеч и кукольное личико.

Интересно, как выгляжу в этом пространстве я? Подойдя к зеркальной витрине, я взглянул на себя. То же лицо, которое я видел в зеркале в ванной комнате полчаса назад. Только костюм стал другим – на мне был черный комбинезон и оранжевая футболка, на голове повязана хулиганская оранжевая бандана. Пожалуй, яркая косынка была лишней, но снимать ее я не стал.

– Любуешься? – Подкравшейся сзади девчонке было лет шестнадцать. Короткая юбка, длинные стройные ноги, смелый вырез небесно-голубой блузки. Брюнетка, стрижка каре, ровные по всей длине волосы закручены на концах так, что касаются шеи. Большие, слегка раскосые глаза, высокие скулы. Рот – почти детский. Красивая девочка, как и все здесь.

– Скажем так, оцениваю. – Я улыбнулся: – Тебя не учили обращаться к старшим на «вы»? Девчонка хихикнула и проигнорировала мое замечание.

– Какой серьезный! Сколько тебе лет?

– Не так давно было... Ну... за восемьдесят.

– А мне за сто! – Девчонка вновь расхохоталась: – Так что не думай, что ты самый старый. Только что воскресили? Первый раз в вирте?

– Да. Откуда ты знаешь? Сама недавно воскрешенная?

– Не так уж недавно – пару лет назад. Я из двадцать второго века. Родственники погибли, друзья тоже. Меня еле вспомнили. Ну, теперь дело пойдет проще. Мы постепенно восстанавливаем все население города. Мысль здесь, мысль там. Приходится много работать. Много времени провожу в Авалоне.

– В Авалоне?

– Ну да, в центре «Авалон». А сам-то ты откуда? Чем занимаешься?

Девочка хочет познакомиться или нет? Какие нравы были в двадцать втором веке? Откуда мне знать! Но поддержать разговор хотелось. Она была живой, настоящей. И я уже не воспринимал ее как внучку. Да и лет ей было все-таки больше шестнадцати. Может быть, все восемнадцать, а то и девятнадцать... Всего на десять лет меньше, чем мне. Почему на десять? Каков сейчас мой биологический возраст? Сложно сказать, но мне почему-то казалось, что около тридцати. А то и меньше.

Девочка еще раз улыбнулась, а я поспешно сообщил:

– Я из двадцать первого века. Точнее, родился в двадцатом. Меня разбудили только сегодня.

– Правда? Встретить только что воскрешенного – добрый знак. – Личико девушки приобрело довольное выражение. – И в первый же день поднялся в виртуальное пространство? Из двадцатого века? Силен! Меня зовут Виолетта. Можешь звать меня Вита, если хочешь.

– Очень приятно. Твое имя означает «жизнь»?

– Сразу видно человека старых взглядов, – наставительно сообщила Вита. Глаза ее смеялись. – Сейчас демонстрировать эрудицию не принято, тем более что дословно Виолетта – вовсе не то же, что Вита-«жизнь», а «фиалка». Красивое имя, правда?

– Да.

– Мне тоже нравится. А знаешь, почему не стоит блистать начитанностью?

– Все вокруг умные?

– Нет. Потому что эрудиция – понятие наживное. Любые сведения можно найти за долю секунды по запросу в банк данных незаметно для окружающих. Каждый знает практически все. Закрытой информации нет. Поэтому говорят только по сути. Осознал?

– Вполне.

– И еще. Мне вовсе не за сто. Я пошутила. Только в абсолютном времени я уже старушка. Когда в нашем городе взорвался термоядерный реактор, мне было девятнадцать. А запомнили меня семнадцатилетней. Так что не обращай внимания на мои наезды. Я не со зла. Просто помню не все. Да и вообще...

– Ясно. И ты меня извини. Ладно?

– Ты симпатичный! – рассмеялась Вита. – Оставь номер – свяжемся или тебе будет со мной скучно?

– Наверное, не будет. Но... Я бы с удовольствием оставил бы тебе номер телефона, только понятия не имею, каким он будет... Хотя ты ведь, наверное, не об этом? Сейчас телефоны уже не в ходу?

– Телефоны-то конечно. А вот номера остались. Коды доступа, личные и секретные. Если не знаешь кода, скажи, как тебя зовут.

– Даниил Гончаров. Извини, что сразу не представился. Растерялся. А имя с фамилией можно прочесть где-то в образе? На аватаре?.. Ну, словом, узнать, общаясь со мной в виртуальном пространстве?

– Только если ты вынесешь его в открытый доступ, чего делать не следует. В вирте в ходу ники, виртуальные прозвища. Как и в двадцать первом веке. А по нику человека можно найти не всегда. К тому же у тебя его нет.

– Не успел обзавестись.

– Я найду тебя, если не передумаешь. Но больше никому в вирте свое имя и дату рождения не давай. Здесь полно ботов, лучше помалкивать о том, кто ты и откуда. Заспамят потом, да и мошенничества случаются. Найти человека по имени и дате рождения ничего не стоит.

– А ты не бот?

– Нет.

– Мне бы было обидно. В жизни ты такая же красивая?

– Если накрашена – да, – девчонка хихикнула. – Внешность сейчас не проблема. Будешь такой, какой захочешь.

– Но и хотеть можно разного.

– Это точно, у некоторых совсем нет вкуса.

– Ты о моем комбинезоне?

– Нет, конечно. Комбинезон стандартный – для новичков. Чтобы издалека было заметно. Тебе в первый раз и не позволили бы надеть что-то другое. От новичков в вирте всего можно ожидать. Ладно, пока, у меня дела.

– Пока. Буду ждать твоего звонка. Позвонишь?

– Сконнектимся.

Действительно, зачем же звонить? Проще встретиться в кибернетической реальности.

Виолетта сделала несколько шагов и растаяла в воздухе, оставив за собой ворох фиалковых искр, которые осыпались на тротуар.

* * *

Шелковые простыни странно охладили тело. Дима приоткрыл один глаз и обнаружил, что цвет всего постельного белья – алый. А стены комнаты – светло-желтые, теплые, весьма приятные. Голова, как ни странно, не болела, даже сухости во рту не чувствовалось. И все же, как он здесь очутился, Дима не помнил совершенно. Одно ясно – не отель. В отелях не бывает странных пластиковых этажерок с кучей мягких игрушек на них.

Дима повернулся и увидел примерно то, что ожидал увидеть: соседку по кровати. Темноволосая девушка в коротком пеньюаре – в алом, конечно, каком же еще, – мирно посапывала рядом с ним. Некрасивое лицо ее было счастливым. Гладкие нежные плечи выглядели недурно, остальное у Димы энтузиазма не вызвало. Ноги коротковаты, талия полновата...

Пытаясь быстрее прийти в себя, Дима сел и начал соображать. Они ехали на гастроли в Ригу. В автобусе. Ночью. Выпивали – как без этого? Но вроде бы много не выпили. Откуда тогда взялась эта девушка? Точнее, откуда здесь взялся он?

Комната выглядела неестественно длинной. Что это – проблемы с ориентацией или девушка живет в мансарде под крышей?

Дима осторожно поднялся, подошел к окну, выглянул и вздрогнул. Высота была колоссальной, вокруг громоздились небоскребы. Ригу он представлял себе несколько иначе.

– О, ты проснулся, Соловей! – Голосок, приглушенно прозвучавший из глубины комнаты, был приятным.

Дима обернулся и увидел заспанное личико некрасивой девушки.

– Как видишь, – не слишком ласково ответил он. Девушкам лучше не потакать – так жить спокойнее. – Подскажи-ка мне – где мы?

– Не самый важный вопрос, – сонно улыбнулась девушка. Зубы ее оказались ровными и белоснежными, она словно даже похорошела. – Главное – когда.

– Что – когда?

– Когда мы.

– Когда – что? – ошарашенно спросил Дима.

– Что «что»? Мы?

Дима фыркнул и даже затряс головой:

– Ты что, двинутая? Не можешь ответить на самый простой вопрос?

– На самый простой могу. И на сложный могу. Только не пойму, что ты хочешь. Но неважно! Ты мой бог, Соловей! Но и я твоя добрая фея. Без меня ты бы не был жив. Понимаешь?

– Пока не очень, – раздраженно бросил Дима. – Звать тебя как, сладкая?

– Оля.

– Ну, по крайней мере радует. И где ты живешь?

– Здесь.

– Так, замечательно. А это здесь – в каком городе?

Девушка хихикнула:

– В Москве, конечно.

– Почему «конечно»? Кроме Москвы, городов нет?

– Есть. Но я там не живу.

– Кайф. Значит, мы сейчас живем в одном городе. Но как же мои гастроли в Риге?

– Гастроли? Бедный Соловушка... Не будет теперь никаких гастролей. Некоторое время.

Будешь петь только для меня.

Дима встревожился и быстро огляделся по сторонам. Сообщников сумасшедшей девицы не видно, оружия тоже. Не рассчитывает же она справиться с ним голыми руками? Лишь бы не искусила... Хотя то, что она сумела его сюда притащить, говорит в пользу ее изворотливости. Что же он упустил? Что дает этой замухрышке уверенность во власти над популярным певцом? Даже без документов его узнает любой... А если и не узнает – всегда можно позвонить продюсеру, вызвать охрану.

– Что ты дуришь? – прошипел Дима. – Мобильник током ударил прямо в мозг? Чего тебе от меня надо?

– Я хочу тебе помочь, Соловушка. И помогу. Ты успокойся. Поверь, так будет лучше. Выйдешь на улицу – поймают и посадят под замок. А то и что похуже...

– Что за движухи тут? Я грохнул кого-то или с препаратами переборщил? Что случилось за эти несколько дней, которых я не помню?

– Не дней, Соловей. Нет... Много лет прошло.

– Да что ты мелешь?!

– Я и сама сначала не поверила. Но ты увидишь. Все увидишь. Обещай не убегать. Потому что, если ты сам не захочешь, мне тебя не спасти.

– Ладно, обещаю, – заявил Дима без малейшего намерения обещание выполнять.

– Как бы тебе объяснить... – вздохнула Оля. – Показать... Потерпи немного, хорошо?

– Хорошо. Только я жрать хочу.

– Сейчас все будет. Как на скатерти-самобранке. Ты просто поверь, что попал в сказку.

Хорошо?

– Хорошо. А зачем?

– Так будет легче. Тебе легче.

– Ну-ну, – хмыкнул Соловей.

* * *

Мигнуло пятнышко выхода из вирта перед моими глазами. Виолетта говорила, что знакомиться с виртуальным пространством в первый же день после воскрешения – экстремальное развлечение. Может быть, здесь существует риск подвергнуться вирусной атаке? Или остаться навсегда, заблудившись в пластах киберреальности? Стоило выйти, но я хотел найти тот сегмент Интернета, что должен был остаться в вирте со времен моей прошлой жизни. И, возможно, встретить там друзей и знакомых, на худой конец – одиозных личностей виртуальных баталий начала двадцать первого века.

Как сейчас выглядит общение в кибернетическом пространстве? Сохранились ли древние сайты? Не может быть, чтобы они исчезли бесследно. По-прежнему ли существуют блоги? Даже если найдены новые формы общения, всегда найдутся любители писать дневники и читать их. А форумы, чаты? Где люди обмениваются сообщениями? Где хранятся архивы столетней, трехсотлетней давности? В библиотеках? В киберзаповедниках?

Перед глазами мигнула надпись: «Куршавель». Название из далекого прошлого. Европейский городок, элитный курорт, наверное, никуда не делся. Но что это за маленький домик без окон, с одной дверью? Бар? Есть ли в киберпространстве бары и зачем они?

Я открыл дверь и вошел. Первым побуждением было выбежать обратно. В маленьком домике помещалась заснеженная горная долина. Сияющие под ярким полуденным солнцем хребты на заднем плане, хрустящий снег под ногами, свежий морозный воздух. Немного поодаль от входа – избушка с припаркованными возле нее снегоходами и целыми вязанками лыж и палок. Дыхание слегка перехватывало – видимо, лыжная база располагалась высоко над уровнем моря...

Но ведь все, что я вижу перед собой, – не более чем компьютерная модель. Поэтому неудивительно, что огромная заснеженная долина помещается в маленьком домике посреди города, где никогда не меняются времена года, где сумеречное небо не знает света солнца и звезд, но легко отображает сетку координат по желанию посетителя вирта.

Молодой человек с невыразительными чертами в черном лыжном костюме и синей вязаной шапочке возник передо мной.

– Извините, вынужден сообщить об ограничениях. При нынешнем уровне мастерства вам разрешается только посещение тренировочного спуска с инструктором.

Наверное, бот. Не может быть, чтобы живой человек занимался такой ерундой, как содержание горнолыжной базы в киберпространстве.

– Спасибо. Я зашел посмотреть.

– Рады вашему визиту. Запустить демонстрационную версию?

– Если не сложно, – ответил я.

Не знаю, принято ли разговаривать с ботами вежливо. Ласка и кошке приятна, но дело даже не в желании кому-то понравиться. Формулируя мысли тем или иным образом, человек зачастую делает это не только для окружающих, но и для себя.

– Пожалуйста. Рад услужить.

Бот, пожалуй, перегнул палку. «Рад услужить» – как-то чересчур. Он бы еще добавил: «белый господин». По всей видимости, ответная реакция интеллектуальной программы на мои слова...

Я не успел закончить мысль, потому что оказался на крутом горном склоне, в облегающем нейлоновом костюме и, главное, на узких лыжах. Навстречу мне с огромной скоростью двигалась живописная сосна. Вернее, я несся к сосне, но не сразу это понял.

Упасть на бок не получилось – тело не слушалось, ноги держались в креплениях лыж как влитые. Зато перед самым стволом лыжи изящно повернулись, и я избежал столкновения.

Легче от этого не стало. Метрах в двадцати от сосны склон обрывался в пропасть – а остановиться не было никакой возможности! Хотя сам я не прилагал ни малейшего усилия, лыжи повернулись к пригорку-трамплину. Прыжок – и я полетел. Сердце замерло, внизу мелькнули острые камни, но впереди маячил ровный склон.

Спуск с горы – один из обманов иллюзорной реальности. Но чтобы осознать это, мне потребовалось время – все выглядело, ощущалось слишком по-настоящему.

– Хватит, – потребовал я. И тут же оказался на прежнем месте, рядом с услужливым и вежливым, но не слишком разумным ботом.

– Трасса третьего уровня мастерства, – сообщил он. – Пара месяцев занятий – и вы сможете ее использовать. Вам понравилось?

– Вполне прилично. Спасибо. Зайду к вам позже.

– Будем рады вас встретить. Заметьте, у нас настоящий симулятор, вы в полном объеме овладеваете навыками лыжного спуска, которые сможете использовать в реальной жизни.

– Хорошо.

Я повернулся к бревенчатой избушке с крупной надписью над резной деревянной дверью: «Выход». Шагнул за порог и вновь оказался на улице, в вирте.

Отсюда можно было хорошо рассмотреть лозунг на зеркальной башне позади лыжной базы «Куршавель». Он словно явился из прошлого, причем из китайского прошлого: «Одна семья – один ребенок». Чуть ниже значилось: «Государственная программа».

Интересно. Людей из прошлого воскрешают, причем делают это целенаправленно, а рождаемость ограничивают. На всех живших и живущих места на Земле все же не хватает? Или существуют более глубокие причины?

Продолжая идти по улице, я разглядывал вывески и причудливую архитектуру кибернетической реальности. Из-за башни государственной программы появился квадратный небоскреб: «Сообщество чайлдфри». Знакомые все лица! Эти ренегаты появились еще при моей жизни, то есть в двадцать первом веке. Добро бы сами не хотели иметь детей – так они еще и убеждали всех, как здорово жить без забот и какие идиоты те, кто детей заводит. Эти чайлдфри, по сути, вырожденцы. Если бы не дети – как бы получили вторую жизнь мы? Здесь-то, в разумном современном обществе, откуда взялись вырожденцы? Надо будет выяснить...

Под вывеской «Чайлдфри» значилось: «Некоммерческая организация». Судя по масштабам некоммерческой организации, поддержку она имела нешуточную. Скорее всего, государственную. Ибо откуда у такой ренегатской организации спонсоры? А государственная политика может быть разнообразной и причудливой.

Проспекты вирта во многом походили на улицы обычных городов. Журчали фонтаны, шелестели деревья, мигали информационные панели, и даже из окон зданий выглядывали любопытные боты. Правда, некоторые перекрестки расходились не четырьмя, а шестью, а то и восемью направлениями – при этом угловые дома были не остроугольными, а вполне правильной формы. Издержки кибернетической реальности.

На одном из таких восьмиугольных перекрестков на меня едва не налетел светловолосый парень в классическом сером костюме. Синий галстук в черную полоску, туфли с загнутыми острыми носами, старинные механические часы «Омега» на руке. Не иначе бот. Слишком строго одет.

– Ну, здравствуй, дедушка, – приветствовал он меня.

* * *

Почти час Хонгр выходил к перекрестку дорог неподалеку от речки, в то место, которое сам указал Лилии. Прежде он там не бывал, место нашел по подробной спутниковой карте – не слишком далеко от его базы и на приличном удалении от струнной дороги. Новомодных трасс

Хонгр инстинктивно сторонился. Когда он впервые увидел опору, ему показалось, что оттуда за ним наблюдает несколько камер. Как оказалось, предчувствия его не обманули – на каждой опоре действительно имелось несколько камер технологического наблюдения за состоянием струны, да и за окрестностями тоже. Картинку с них не мог получить только ленивый – камеры открывали доступ к информации практически по первому требованию, нужно было лишь грамотно его оформить.

Грунтовые дороги в Монголии не такие запущенные, как в большинстве точек земного шара, где люди ездили по струнам или ходили пешком. Здесь автомобиль по-прежнему играл немаловажную роль в качестве средства передвижения. Некоторые состоятельные граждане страны Чингисхана летали на маленьких маневренных самолетах или на вертолетах, но такие машины стоили дорого, еще дороже обходились в обслуживании, а применимы были, пожалуй, лишь при полетах на большие расстояния, да и сесть, несмотря на маневренность, могли не везде. Лес и высокие скалы – помеха для посадки вертолета, о самолете и говорить нечего.

Монголия, как ни странно, оставалась пустынной даже в двадцать четвертом веке. По дороге к месту свидания Хонгр не встретил ни одного человека. Лишь издали видел пастуха, гонящего куда-то табун лошадей. На всякий случай Хонгр спрятался за камень и подождал – партизанская привычка взяла свое.

Под высокими белыми облаками парили, высматривая в траве добычу, хищные птицы: то ли орлы, то ли ястребы. Хонгр не знал точно, а обращаться к электронной энциклопедии не хотел – какая разница, ястреб, орел или сокол? Пусть мыши интересуются.

Выгоревшая за лето степь выглядела не слишком красиво. Скоро здесь, высоко над уровнем моря, начнутся заморозки. Неплохо было бы на зиму податься в Австралию или, скажем, на Филиппины. Интересно, может ли комитет оплатить ему перелет и проживание? В девятнадцатом веке проблем бы не возникло. Профессиональных революционеров не хватало, а богатых спонсоров имелось в избытке. Сейчас проблема не в том, чтобы найти спонсора, а в том, чтобы легализовать деньги. Проще говоря, отмыть. Финансовые потоки под гораздо более строгим контролем механического разума и его прислужников, чем монгольские степи и даже улицы самого крупного и населенного города. Деньги по-прежнему правят миром, только еще более изощренно.

Стоит подумать о том, чтобы уехать в пятнадцатимиллионный Сидней или в трехмиллионный Брисбейн, затеряться в рабочих трущобах – такие ведь есть и сейчас, только называются «социальным жильем»... Можно даже устроиться на какую-нибудь простую, не требующую высокой квалификации работу, по вечерам ходить купаться в океане. Съездить на выходных в Новую Зеландию – там сейчас сплошь заповедники, пишут, что туристы не окончательно их затоптали...

От размышлений Хонгра отвлек шум мотора. На дороге показалось облако пыли. К перекрестку мчался белый джип. Обтекаемая форма, раскинутые по обе стороны крыши острые крылья солнечных батарей, тонированные стекла.

В очередной раз поймав себя на мысли о потенциальной слежке, Хонгр разозлился. Он поднял голову, посмотрел в чистое синее небо и громко заявил:

– Я вас не боюсь. Вы меня бойтесь, легавые!

Если за ним следят в реальном времени, то это послание прочитают: не по звуку, так по губам. Хотя, если его действительно вычислили, вполне могут прочесть мысли, снимая дистанционно электрические импульсы, излучаемые мозгом. От нынешней охраны ничего не утаишь. Главное – не попасть им в руки.

Хонгр хлопнул себя по накладному брючному карману, в котором лежала миниатюрная осколочная граната, приводимая в действие мысленным приказом. Живым он не сдастся, пусть не надеются.

Автомобиль резко затормозил, стекло опустилось. Лилия была в темных очках и в красной косынке. Словно из партизанского отряда. Неужели все-таки подсадная уточка? Нет, не стали бы его покупать так явно. Или все-таки стали?

– Не узнал? – сдержанно улыбнувшись, спросила девушка.

Хонгр смотрел на нее молча.

– Эй, дружище!

– Извини, задумался. Привет!

– Садись, поедem! Или отсюда пешком?

– Зачем же? Проедем километр-другой.

Хонгр уверенно сел на переднее сиденье. Когда сaдился, бросил косой взгляд назад. Вроде бы никого, если не прячутся за спинками или в большом багажнике.

– Давно ждешь? – спросила Лилия.

– Нет, только что подошел.

– Коня или велосипеда у тебя нет?

– Пока не обзавелся, – ответил Хонгр. – Велосипед действительно не помешает, да и коня завести здорово... А у тебя красивый автомобиль.

– Отцовский, – не оправдываясь, но и не хвастаясь, ответила девушка. Просто констатировала факт. – Он дает мне покататься. На свой экипаж я еще не заработала.

– Ясно. На стипендию машину не купишь.

– Точно. В кредит – запросто, но мне не так часто нужна машина, чтобы портить из-за нее финансовую историю.

Лилия поставила ручку переключения передач в положение «движение» и аккуратно тронулась с места – тормозила она куда резче. Хонгр оглядел салон автомобиля еще раз. Несколько голографических экранов, болтающаяся на зеркале заднего обзора фигурка мангуса, небольшой экран автомобильного коммуникатора. На нем бегали цветные линии, тихо играла странная музыка – такую Хонгру слышать не доводилось. Чего только не придумали за двести лет... Наверняка и музыкальных направлений всех не сосчитаешь, не говоря уже о популярных группах.

– В каком университете учишься? – поинтересовался Хонгр спустя минуту, когда машина вскарабкалась на холм и покатилась к скалам у подножия Дарханки прямо по траве, свернув с грунтовки, уходящей в поселок. Низких домов Шарыngoла видно не было, но опоры струнной дороги возвышались над степью.

– В новосибирском, – ответила девушка.

– Нравится?

– Нормально, уровень знаний дают высокий. А ты что оканчивал? Или тоже учишься?

– Меня хватило только на бакалавриат. А учился в Питере, хотя жил на Кавказе, – в мое время дистанционное обучение было в ходу. В Петербургском университете мне больше нравились специальности.

– И кем ты работаешь?

– Не видишь? – усмехнулся Хонгр. – Овец пасу для души, живу пока на пособие. По специальности я инженер-электроник, но за последние годы наука сильно продвинулась вперед. Если на то пошло, я и в свое время по специальности мало работал.

– А что делал?

Хонгр выдержал паузу – он специально «приоткрылся»: начнет ли девушка задавать вопросы, или попытается увести разговор в сторону. Если его вычислили, то о роде занятий хорошо осведомлены.

– Служил в армии. Там хорошо платили, да и вообще мне нравилось.

– Воевать пришлось? – Лилия взглянула на пассажира с неподдельным интересом.

– Писарем при штабе не отсиживался, – хмыкнул Хонгр. – Доводилось в людей стрелять, увы.

– Тебя простили?

– В смысле?

– Насколько я знаю, сейчас не слишком охотно воскрешают тех, к кому могут предъявить претензии жертвы.

Хонгр рассмеялся:

– Я сам жертва. Меня застрелили в пограничном конфликте с Объединенной Арабской Республикой.

– Понятно. И как оно? – спросила девушка.

Хонгр отметил, что Лилия вроде бы ему поверила или хорошо притворялась.

– Я совсем не помню. Мне потом рассказали, – солгал он. – Думаю, ничего особенно приятного.

– Пожалуй.

– Точно.

– А ты что же, так никого и не убил?

– Нет. Иначе ждать бы мне воскресения еще сто лет. Ведь так?

– Наверное.

Остановились неподалеку от скал. Когда выбрались из автомобиля, крылья его солнечных батарей выросли едва ли не втрое. Машина восполняла затраченную энергию, заряжала аккумулятор, заполняла водородом бак. Хонгр испытывал невольное восхищение перед этой практически автономной техникой. Если будет нужно, автомобиль сам приедет домой или же самостоятельно привезет туда пассажиров. Лилия вела машину, потому что ей так нравилось, но в принципе с этой работой без труда справился бы компьютер.

В тонированных окнах Хонгр увидел свое отражение: рослый парень в мешковатых парусиновых полувоенных брюках и застиранной куртке, с ежиком непослушных волос. На его фоне Лилия выглядела аристократкой: облегающие джинсы, приталенная блузка, стильная косынка и в цвет ей – небольшой алый рюкзачок. А он ничего с собой и не взял, кроме ноутбука-коммуникатора. Автомат пришлось оставить в лесу – с ним бы он выглядел по меньшей мере странно, хотя с оружием в степи ходили многие. Заповедник, можно запросто встретить волка.

– В полицию не хочешь поступить? – спросила Лилия.

– Почему спрашиваешь? – удивился Хонгр.

– Многие бывшие военные идут в полицию. Армия сейчас сокращена до предела, а полицейские нужны. Работа ответственная и сложная, но не слишком престижная. Взгляды на жизнь поменялись, большинство людей пытаются что-то создавать, а полицейский только охраняет. Тускловатое занятие для вечности.

Хонгр усмехнулся хорошей формулировке.

– Ты права. Но, как я слышал, воскрешенных в полицию не принимают. Они не впитали толерантность с молоком матери.

– А ты сам пытался поступить на службу? – подняла брови Лилия.

– Нет, друзья пытались, – ответил Хонгр и понял, что прокололся, показал свое отношение к нынешним порядкам. Правда, проколом его заявление можно считать в том случае, если его и правда подозревают. – Пойдем вверх, там есть что посмотреть.

Девушка доверчиво повернулась к нему спиной и легко зашагала по каменистой тропинке. Хонгр пообещал себе думать только об Австралии и тамошних чудесных пляжах и двинулся следом.

* * *

Дима сидел на широкой кровати и беззвучно всхлипывал. В одно мгновение потерять все! Он был никем в чужом, враждебном мире. Единственная его почитательница и спасительница – некрасивая девушка, склонная к эксцентричным поступкам... Если верить ей, она не единственная, их тут целая банда. И каждая заказывает воскрешение своего любимца, оплачивает его из своего кармана и потом «вводит в жизнь». Но, во-первых, Дима новой подружке не верил, а во-вторых, если и поверить, легче от этого не становится. Одна идиотка, много идиотов – что лучше?

Экран во всю стену – такой экран не подделаешь, именно его наличие и убедило Соловья в том, что он попал в будущее, – транслировал его собственные похороны. Впрочем, не транслировал, конечно, показывал старую любительскую запись. Но мурашки по коже все равно бежали...

– А вот и я, – радостно сообщила Оля, тыкая пальчиком в какую-то зареванную девушку, которую камера на мгновение выхватила из толпы. – Приятно себя увидеть, правда?

– Очень, – скрипнул зубами Дима, рассматривая лакированный гроб.

– Что ты расстраиваешься? – возмутилась девушка. – Все ведь уже позади. Знаешь, каких трудов мне стоило найти запись? Сейчас никому твои похороны не интересны. Тебя и не знает никто.

– Да я уже понял, – мрачно процедил Дима. – Ты преподнесла мне просто отпадный сюрприз. И не устаешь подбадривать.

– Нет, ты не обижайся... Пожалуйста!

– Ясен пень. На что тут обижаться?

– Тебя очень скоро узнает и полюбит гораздо больше людей, чем двести лет назад.

– Двести? – глаза Димы округлились. – Целых двести?

– Ну да. Я думала, ты знаешь.

– Откуда?

Соловей едва сдержался, чтобы не ударить жизнерадостную дуру.

– Только надо твой статус узаконить. Понимаешь? – не догадываясь, что сильно рискует, сообщила Оля.

– Не врубаюсь совершенно.

– Ничего, поймешь. Давай в магазин сходим, одежду тебе купим по размеру. Еды, какой ты любишь. Я ведь о тебе совсем мало знала, только песни все наизусть.

– А что ты хочешь знать? Типа, мой любимый цвет? Какие чиксы мне нравятся? Чем я похмеляюсь с утра?

– Да, конечно, мне интересно, какого типа девушки тебе нравятся...

– Не твоего – это точно.

– Все в мире меняется, – не смутилась Ольга.

– Ага, жди. И как тебе в голову пришло вспомнить обо мне?

– Ты всегда был моим любимым певцом! Такой лапочка... Мы с подругами взяли кредит и тебя воскресили вне очереди. Ведь здорово?

Девушка смотрела на него большими ярко накрашенными глазами, которые лучились восторгом. Получила желанную игрушку...

– Просто отпад. И теперь я никому не нужен, так? – уточнил Дима.

– Не так. Ты нужен нам. Просто надо немного подождать, чтобы тебя не развоплотили обратно.

– Развоплотили? – Глаза Соловья полезли на лоб. – Ты не шутишь? То есть меня могут швырнуть обратно в биореактор?

– Не беспокойся, все не так страшно. Если ты будешь вести себя в рамках правового поля, никто тебя не тронет. Документы надежные, работу найдем – и уже через год ты полностью натурализуешься. Если бы не мы, тебе пришлось бы ожидать воскрешения лет двадцать. Понимаешь, мы подарили тебе двадцать лет! Целых двадцать лет!

Дима не особенно впечатлился и быстро спросил:

– А где твои подруги? Те, что тебе помогали мутить эту тему?

Оля загадочно улыбнулась:

– Я же говорила – не только тебя вернули к жизни. Другим достались другие.

– Вот как! Вы нас поделили?

– Ага.

– Тебе достался я?

– Точно.

Соловей закипел, хотел сказать что-то обидное, но вдруг понял: а ведь двадцать лет действительно не купишь ни за какие деньги. Дурнушка права – она сделала ему царский подарок. Так, может, и не стоит лезть на рожон, а лучше подождать? Сделать резкие движения, если в них возникнет нужда, он всегда успеет. Вот только неопределенность страшно злила – так, что Соловей с трудом сдерживался.

– Пойдем в твой магазин. Далеко чапать? – поинтересовался Дима.

– Магазин в этом же доме. Все сейчас рядом. Классно?

– Да у меня и раньше все было рядом, – раздраженно бросил Соловей. – И квартира побольше. Откуда у тебя эта хилая конурка?

– Заработала, – гордо заявила девушка.

– Ишь ты! Чем же?

– Чем надо. Ты бы мог не допрашивать меня постоянно, а сказать хотя бы спасибо?

– За что? – не слишком вежливо поинтересовался Дима, вновь раздражаясь. – За то, что ты нашла винтажную запись моих похорон, или за то, что приютила в своей убогой квартирке?

– Да хотя бы. Но больше – за то, что теперь ты жив. Не заметил?

– Заметил. Только кайфа большого я не испытываю. Как-то мне стремно.

– Слушай, ты и правда какой-то бледный.

Дима потрогал лоб – он вспотел и был горячим.

– Мне реально голимо...

– Полежи.

– Прилягу...

Соловей откинулся на подушку и провалился в черное забытие.

* * *

Я вгляделся в лицо парня, который окликнул меня. Надо же, это мой внук!

– Кирилл! Твой отец сказал, что ты на Луне.

Внук показался мне взрослее, чем я его помнил, хотя здесь все были молодыми, и вряд ли Кирилл казался старше тех лет, когда мы с ним виделись в последний раз. Скорее всего, я начал привыкать к тому, что стариков и людей «в возрасте» сейчас просто нет, а внук выглядел солидно, достойно, уверенно.

– Верно, совсем недавно я был на Луне. Но уже прилетел. И сразу нашел тебя, – широко улыбнулся Кирилл. – Зайдем в бар, выпьем чего-нибудь за встречу?

– Разве такое возможно?

– Почему нет? Даже опьянение, хоть и кратковременное, гарантируется. Но мы лучше выберем сок, а не виски. Да?

Внук говорил быстро, улыбаясь, и я понял, что он волнуется. Наверное, я и сам волновался бы и не знал, что сказать в самый первый момент, если бы встретил отца или дедушку... И все же – какая странная встреча!

– Постой. Ты точно Кирилл? Как ты меня нашел?

– Элементарно. Твой пакет для подключения имплантатов к вирту заказывал отец. Список контактов в него он добавил свой. Отзывы свой-чужой тоже его. Ты ведь пока не перенастраивался, но отправился на поиски приключений. Когда я прилетел и вошел в вирт через домашний интерфейс, система сразу оповестила меня, кто из моего постоянного контакт-листа доступен. И я поспешил тебе навстречу.

– А где ты находишься физически?

– У себя дома, сижу в кресле. Приглашу тебя в ближайшее время в гости, вернее, уже приглашаю – как только сможешь, приезжай. Сейчас это не слишком принято, но мы-то люди из прошлого.

– То есть как это – «не принято»? – неприятно удивился я. – Внуки не общаются с дедами?

Кирилл рассмеялся:

– Нет, хотя и такое случается сплошь и рядом. Не принято ходить в гости. Очень многое происходит в вирте. Отправиться куда-то – если тебе не нужно совершить поездку по важному делу – почти подвиг. Зачем отвлекаться? Миг, и ты окажешься рядом со мной в виртуальной реальности. Быстро и удобно, ощущение присутствия полное, и главное, отключиться можно в любой момент, если беседа утомила. Ладно, давай зайдем куда-нибудь – стоим на перекрестке, мешаем аналогам и честным ботам. Есть неподалеку неплохое заведение, посидим в нем.

– Хорошо.

– И еще одна просьба... Можно я не буду называть тебя дедом?

– Почему?

– Не принято. Мы родственники – но кто из нас старше, кто моложе? До первой смерти я прожил сто пять лет – побольше тебя, а? И главное, у всех нас теперь равные шансы. Равные возможности.

– Это не может не радовать, Кир.

– Так ты не обидишься, если я буду звать тебя Даниилом?

– Нет, конечно.

– Вот и ладно.

Кирилл взял меня за локоть, и мы очутились в большом полутемном зале с высокими потолками и чадающими на стенах факелами. Столы в зале круглые, правда, небольшие, за ними сидели люди в рыцарских доспехах. И Кирилл преобразился: на нем был жесткий панцирь с мощными наплечниками, стальные сапоги со шпорами, на боку – прямой меч. Я почувствовал, что двигаться стало тяжелее, и обнаружил, что одет в кольчугу почти до колен и черные кожаные сапоги с металлическими полосами. На шее был повязан шарф – неизменного оранжевого цвета.

– Нравится? – спросил внук.

– Неплохо. Ресторан в стиле Средневековья?

– Скорее клуб. Рестораны и бары в вирте не слишком популярны – здешней едой не наешься, и выпивка совсем не та, хотя, в общем-то, люди посещают и виртуальные рестораны. Многие заведения, имеющие аналоги в реальном мире, работают бесплатно, рекламируют свою кухню. К тому же в вирте можно без опаски попробовать что-нибудь экзотическое. Живот болеть точно не будет, разве что голова.

Мы сели на тяжелые деревянные стулья за массивным дубовым столом. Под нашим весом стулья очень натурально заскрипели. Кирилл вытянул ноги, лязгнув шпорами по каменному полу.

– Ну, рассказывай, – предложил я. – Как ты живешь, чем занимаешься? Как тебе понравилась Луна?

– На Луне необычно, – задумчиво произнес внук. – Жизнь там в большей степени настоящая... Обитатели Селены не торчат в вирте двенадцать часов в сутки и не программируют сны. Ну, то есть я не знаю, может быть, кто-то и программирует, но повального увлечения этим нет.

– А здесь есть?

– Конечно. Каждый считает своим долгом скачать пакет программ на год вперед и выбирает, какую ночь ему провести: веселую, сентиментальную или романтическую. Причем воскрешенные увлекаются этим даже больше, чем старожилы.

– Наведенные сны – зло? – спросил я.

– Меня раздражает, – хмыкнул Кирилл. – Человек должен видеть свои сны, а не чужие. На Луне практику наведенных сновидений не поддерживают, что меня весьма порадовало.

Порыв ветра из открытого окна на мгновение притушил огонь факелов. По стенам грубой кладки метнулись тени. Кирилл попытался почесать затылок, но в шлеме ему это не слишком удалось. Выглядела его попытка забавно.

– Что там еще интересного?

– Лунная колония более чем полноценна. На огромных базах живут десятки миллионов людей. Работает собственный воскреситель, – именно для того, чтобы провести профилактику его механической составляющей, я летал на Луну вместе с группой специалистов. Промышленность на высоком уровне, сельское хозяйство едва ли не лучше, чем на Земле. Луна процветает.

– Без атмосферы? В условиях «лунного дня», длящегося две недели, когда солнце греет нестерпимо, и с ледяной «лунной ночью»?

– Построены отражающие купола, проведены контуры обогрева и охлаждения. Условия на Луне гораздо лучше, чем на Марсе или на Венере. Если бы не слабое тяготение... И в слабом тяготении хватает преимуществ – например, удешевление крепежных конструкций, возможность роста вверх. Сейчас полностью задействовано около десяти процентов лунной поверхности, но освоенная площадь увеличивается с каждым годом. Луна дает прекрасные возможности для развития.

– А углерод? Насколько я помню, на Луне было обнаружено мало углерода. Мы ведь углеродная форма жизни, и для сельского хозяйства углерод крайне необходим. Или селениты строят свои тела из кремния и выращивают кремниевые овощи?

– Алюминиевые огурцы! – Кирилл рассмеялся совсем по-детски и в восторге хлопнул себя латной перчаткой по панцирю. – Идея прекрасная. Возможно, когда-то она будет реализована – в других звездных системах. Но пока уровень технологий не позволяет организовать для человека кремниевый скелет и кремниевый обмен веществ. Запасы углеродистых пород на Луне найдены. Да и вообще углерода в космосе хватает, было бы желание его доставить.

Рыцари за соседним столом разразились бурным хохотом. Басовитые голоса грохотали под высоким сводом, хохот перемежался всхрюкиванием и утробным ревом. Настоящие варвары. В реальной жизни эти рыцари, скорее всего, тоненькие «ботаники» в очках, которые ни разу не смогут подтянуться на перекладине да мечом не сумеют взмахнуть.

– Луна – тема интересная, но наш разговор идет в неправильном русле. Мы ведь не виделись много лет. Гораздо важнее, как ты живешь.

– Работаю, – поморщился Кирилл. – Пришлось много учиться, осваивать новую специальность. Задачи, сам понимаешь, сейчас совсем не те, что были в наше время.

– Например, воскрешение. Ты связан с ним напрямую?

– Да, выполняю технические заказы проекта «Авалон».

– И ты можешь рассказать, каким образом стало возможно оживлять людей? Ясно, что воссоздать тело – техническая задача. Достаточно нескольких клеток, чтобы считать код ДНК. Но мысли? Воспоминания? Характер?

Кирилл взмахнул рукой в стальной перчатке, словно отменяя мои предположения.

– Понимаешь, самое интересное заключается в том, что не нужно даже сохранившихся клеток. Думаешь, мы раскапываем могилы? Код воссоздается аналитически. Молекула ДНК строится с помощью нанотехнологий. Затем – выращивание тела, но не из кусочка сохранившейся ткани, а «с нуля». Проверка соответствия требовалась только сначала – шестьдесят, сорок лет тому назад. А воспоминания... Технологически их восстановление должно было стать наиболее сложной задачей, но в действительности все оказалось еще сложнее. И одновременно проще. Сознание восстанавливается практически самостоятельно, нужно лишь дать процессу толчок.

– А как у тебя с личной жизнью? – поинтересовался я.

Над дубовым столом будто по мановению волшебной палочки возникла голографическая поверхность, на которой проступили объемные изображения. Кирилл, такой, каким он был сейчас, только без доспехов, а в полосатой футболке, коротко стриженный, две похожие друг на друга миловидные темноволосые девушки и угловатый парень с крупными чертами лица.

– Моя жена и дети. Твои правнук и правнучка. Здорово, дедушка, а?!

– Не то слово, – вздохнул я.

– Редкая семейная фотография. Сейчас все живут наособицу. Дети часто опытнее родителей, а стариков нет – все сильны и не нуждаются в опеке. Рай, да и только.

– Может, это и есть рай, Кирилл? Ты не задумывался над этим?

– Задумывался. Но чем он отличается от реальности?

– Не знаю. А почему ты перестал называть меня Даниилом?

Внук смущенно улыбнулся:

– Иногда все же приятно почувствовать себя молодым... Признать кого-то в клане старшим по праву рождения. Ведь я тебя всегда сильно любил.

– Рад слышать.

– Приятно было встретиться с тобой, Даниил. – Похоже, Кирилл сбросил оцепенение сентиментальности. – Скоро увидимся. Мои контакты в вирте у тебя теперь есть. Я пошел спать – очень устал.

– Спокойной ночи.

– Взаимно!

Кирилл просто исчез – никаких спецэффектов. Сидел за столом, потом пространство на миг покрылось мелкой рябью – и я остался в одиночестве. Мысленно потянувшись к программному меню, выбрал пункт «возвращение к предыдущему состоянию» и оказался перед небоскребами «Одна семья – один ребенок» и «Чайлдфри». Кольчуга исчезла, я вновь был в комбинезоне.

Не успел я подумать над тем, что делать дальше, как меня снова окликнули.

– Гражданин, позвольте обратиться к вам с рекомендацией, – заявил парень в ярко-красном комбинезоне. Приглядевшись к бейджику на его груди, я прочел: «Программа помощи и поддержки. Версия 5.11.2307».

– Слушаю вас.

– Пожалуйста, обратите внимание на информацию датчиков жизнеобеспечения.

– То есть?

– Вызовите программное меню, выберите пункт «внешние параметры», подпункт «состояние организма», – со спокойной настойчивостью проговорил бот.

– И что я там увижу? У меня какие-то проблемы?

– Вам необходимо урегулировать жидкостный баланс организма. Также не помешает пополнить запас углеводов и белков. Мне известно об этом потому, что данные находятся в открытом доступе, а настройки вашей программы подключения к вирту в настоящий момент таковы, что вам оказывается помощь и поддержка на всех уровнях. Спасибо, что выслушали.

– Вы советуете мне выйти в реальный мир?

– Если ваше рабочее место не оборудовано специальными системами, позволяющими, не покидая вирта, регулировать жидкостный баланс и давать возможность инъекционным системам пополнять запасы углеводов, выход является лучшим решением.

Я мысленно потянулся к красной кнопке выхода. Реальность вирта начала меркнуть. Несколько секунд – и я оказался в своей новой квартире. Панели освещения под потолком медленно разгорались. Кресло было удобным, и тело не слишком затекло. Сильно хотелось пить, да и есть тоже. Часы на информационной панели показывали половину первого ночи.

* * *

Лилия шла к вершине как заводная. Хорошо натренирована или у нее всего лишь сильный и здоровый молодой организм? Хонгр, который тоже поднимался бодро, все же слегка устал – он был довольно тяжелым. И пусть большую часть веса тела составляют мышцы, а не жир, их ведь тоже нужно тащить вверх!

С небольшой площадки, от которой до вершины оставалось совсем немного, открывался прекрасный вид на поселок и на огромную, заросшую кустарником и травой яму угольного разреза, закрытого в прошлом или позапрошлом веке. На дне ямы виднелось небольшое озерцо.

Лилия, хотя прежде не выказывала никаких признаков усталости, опустила на камень и предложила, словно приказала:

– Передохнем.

– Тебе нравится бегать по горам? – спросил Хонгр.

– Ты намекаешь на то, что я и словом не обмолвилась, пока мы поднимались?

– Я не это имел в виду, но да, такая мысль приходила мне в голову. У нас получилось прямо-таки спортивное восхождение. Словно на результат, а не для удовольствия.

– Верно, – кивнула девушка. – Мне хотелось отвлечься. Снять стресс.

– А в чем проблема?

Девушка рассмеялась, но не очень весело.

– Мне сделали предложение.

– От которого ты не можешь отказаться?

– Нет. Другое предложение. Выйти замуж.

Хонгр сильно удивился, но постарался не подать вида. Если Лилия хочет замуж – зачем бродит с ним по горам? То есть, по большому счету, почему бы и нет, одно другому не мешает, но все же логичнее делать это с женихом. А если она замуж не хочет, зачем вообще обсуждать эту тему? Отказала, да и дело с концом.

– Поздравляю. Ты рада?

– Не особенно.

Лилия подняла камешек и кинула его под горку – он запрыгал вниз по камням, потом попал на траву, увяз в ней и остановился.

– Почему?

– Я не готова к серьезным шагам. Не уверена, что люблю этого человека, и замуж за него пока не хочу.

– Но тебе его жаль? Боишься обидеть?

– Вопрос сложный, – вздохнула Лилия. – Он хороший парень, в общем-то. Обеспеченный. А папа его еще богаче. Хотя сейчас богатство значит не столько, сколько в седой древно-

сти, деньги решают многое. Разозлить моего жениха и его отца, настроить их против моего отца мне совсем не хочется – они влиятельные люди. Особенно здесь, в Монголии. Это не Пекин и не Москва, тут многое решают отношения между людьми.

– В Москве не решают?

– Там законы сильнее людей, что бы люди ни творили. А здесь... Законы тоже сильнее, но есть еще и юристы, и безграмотный народ, и обычаи... Словом, от этого предложения одни проблемы. Я бы хотела, чтобы пока все оставалось, как было.

Коршун или орел парил внизу, под горой. Воздух вверху был свежим и холодным – здесь осень чувствовалась острее, чем в степи. И грустная девушка смотрела на Хонгра с надеждой, будто бы он мог помочь ей. Но ведь они практически не знакомы! Почему она решила довериться ему? Чего ждет? Или разговор – психологический ход, который должен разоблачить его, вывести на чистую воду, заставить изменить планы? Будущее коварно – так говорили Хонгру соратники. Люди, которые здесь живут, далеко не простаки. А может быть, они и правда утратили силы бороться, привыкли, чтобы за них решали машины?

– Может быть, мне поговорить с твоим парнем? – неожиданно для себя самого спросил Хонгр.

– На какую тему?

– Ну, чтобы он не приставал к тебе.

– И как ты собираешься это сделать? – улыбнулась девушка. – Поедешь в Улан-Батор?

– Почему нет?

– Но не будешь же ты его бить?

Хонгр усмехнулся и повторил:

– Почему нет?

– Тебя оштрафуют и подвергнут принудительному лечению. Сейчас не принято оказывать на кого-то давление, даже если есть такая возможность. Третий закон Ньютона работает – сила действия равна силе противодействия. Полиция следит, чтобы он исполнялся и в обществе.

– Вряд ли полицейским удастся списать с моего счета очень большую сумму.

Лилия покачала головой:

– Я рассказывала тебе о своих проблемах вовсе не для того, чтобы ты попытался их решить.

– Тогда для чего же? – последовал резонный вопрос.

– Захотелось поделиться.

– А...

Лилия рывком поднялась и зашагала вверх по склону. За скалой оказалась еще более обширная и удобная площадка. На ее краю, прямо над обрывом, росло небольшое дерево, от корней и до верхних веток украшенное цветными ленточками.

Девушка сняла косынку – волосы рассыпались по плечам – и, достав из кармана рюкзака острую пилку для ногтей, надрезала ткань, оторвала от косынки тонкую полоску, привязала к ветке.

– Хочешь оставить свой лоскуток, на счастье? – спросила она Хонгра. – Я оторву для тебя.

– Хочу.

Лилия оторвала еще одну полоску ткани. Хонгр разорвал длинную ленточку пополам, одну часть привязал к ветке, а другую положил в карман. Шелк был мягким и пах так восхитительно...

– Это еще зачем? – нахмурилась Лилия.

– На память, – просто ответил Хонгр. – Нельзя?

– Можно, – тихо ответила девушка. – Только непонятно, для чего.

– Там будет видно, – так же тихо ответил Хонгр.

* * *

Проверив охранную систему квартиры – скорее для порядка, брать у меня все равно было нечего, да и злоумышленники, посмей они проникнуть в частное владение, были бы сразу опознаны, – я спустился в магазин. Вместо безличной универсальной одежды, которую мне дали в восстановительном центре, купил пару светлых рубашек, темные брюки, легкие туфли, несколько комплектов белья. Приобрел и зубную щетку, мыло, шампунь, а вот бритвы не нашел. В разделе поискового меню в качестве «средств для бритья» значились кремы и лосьоны, но не было ни станков, ни электрических бритв. А бородатых людей на улице не встречалось. На улице я бывал мало – все больше в вирте бродил. Но вот в магазине, несмотря на ночное время, хватало посетителей, и с бородой среди них – тоже ни одного. Ну ладно, бритье подождет...

Оплата за товары происходила незаметно и прямо-таки поощряла тратить деньги. Покупатель проходил через воротца кассы – и с его счета снималась какая-либо сумма. Сканеры стояли у каждого прилавка, и как только покупатель что-то брал, стоимость товара включалась в расходный счет. Если человек возвращал товар на место, стоимость соответственно исключалась из итогового счета.

В продуктовом отделе я купил картофельное пюре, быстро разогреваемое, и несколько замороженных отбивных, консервированную кукурузу и маринованные огурцы, кетчуп и майонез, бутылку пива и бутылку минеральной воды. Пиво продавалось в стеклянных бутылках, в алюминиевых банках, в пластиковых бутылках и даже в полиэтиленовых пакетах – раздутых наподобие небольших воздушных шаров. Причем выбор пакетов был самым большим, а стоили они дешевле, чем стеклянные бутылки.

Нарисованные на упаковках продукты выглядели аппетитно. Пиво, которое я выбрал, оказалось незнакомой марки – ничего привычного я не нашел, да и глупо было бы брать то, что уже пробовал, – хотя этикетка пивного пакета утверждала, что данный сорт пива выпускается с 1870 года. Наверное, пивовары делали перерыв на сотню лет – как раз те, когда жил я, или не рекламировали свой товар широко в двадцатом и двадцать первом веках.

Спать хотелось так, что казалось, я не поднимусь на свой этаж и задремлю прямо в лифте. Слишком много впечатлений даже для молодого организма.

Дома я разогрел и съел отбивную, выпил пиво прямо из пакета – это оказалось совсем несложно – и провалился в сон, не слишком волнуясь, проснусь ли на следующий день здесь, в новой квартире, или мир будущего мне пригрезился.

* * *

Проснулся Дима легко. О его плечо кто-то терся. Скосив глаза, Соловей обнаружил девушку. Другую, не Олю. Хотя... может быть, и Олю. Сходство, несомненно, имелось, но эта длинноногая девица с пухлыми губами и высокими скулами была не просто симпатична, а красива. Только выражение лица... Оно было точно такое же, как у Оли! Трудно объяснить, из чего складывалось сходство, но вся мимика, все жесты новой Оли повторяли Олю прежнюю.

- Привет, милый, – проворковала девица. – Тебе хорошо?
- Да ничего так, сладкая, – буркнул Дима. – А ты кто?
- Оля. Ты меня не узнал?
- Узнал. Хотя... ты как-то изменилась.
- Для тебя я готова меняться хоть каждый день.
- Хорошая косметика? – не слишком вежливо поинтересовался Соловей.
- Ну что ты! Все гораздо сложнее.

Дима опять ничего не понял, но расспрашивать не стал. Не хотелось.

– Кофе? Чай? Шампанское?

Соловей посмотрел на девушку с интересом:

– А ты, я смотрю, подготовилась... Лучше расскажи, что со мной было? Я вырубился?

– Просто заснул. Эмоциональные перегрузки, что поделать. После воскрешения это естественно.

Слово «эмоциональные» девушка выговорила едва ли не по слогам – по всей видимости, оно было для нее не слишком привычным, не входило в активный словарь. Но Дима над этим не задумался. Его больше заинтересовала комната. Она была другой. Квадратной, с простым деревянным окном.

– Мы в Москве? – спросил он.

– В Москве? – рассмеялась девушка. – Нет, конечно. В Риге. С чего ты взял, что мы в столице?

– Но ты ведь сама сказала...

– Тебе показалось. Ничего такого я не говорила.

– Я четко помню.

– Нет, нет.

– А похороны мои ты мне показывала?

– Что? – Брови девушки поползли вверх. – Зачем? Вчера я показывала тебе один из твоих последних концертов. Ты там был таким лапочкой!

– Врешь!

– Ты меня обижаешь! – Ресницы девушки задрожали.

Дима рывком поднялся, подошел к окну. Оно выходило на узкую улочку, вымощенную серым камнем. Дома были старыми, очень старыми. Наверное, и правда Рига.

– Извини, я чего-то не понимаю. Туплю.

– Я специально сняла номер в «Мэн-Тессе», чтобы ты ни в чем не нуждался. Мог успокоиться...

– После чего? После смерти? – фыркнул Соловей.

Девушка поднялась с кровати – и с плеча сразу упала невесомая бретелька синего шелкового пеньюара.

– Ты жив, Дима. Можно, я буду называть тебя Димой?

– Ну не Сережей же, – попытался пошутить Соловей. – Так ты точно Оля?

– Да, конечно.

– А как твоя фамилия? По жизни ты чем занимаешься?

Девушка задумалась на пару мгновений, потом широко улыбнулась и объявила:

– Моя фамилия Наумова. Работаю я фотомodelью. Разве ты меня не видел на обложках журналов?

– Нет, – покачал головой Соловей.

– Ах ну да, ты же из прошлого... Здесь меня даже иногда узнают на улицах.

– Клево. Меня тоже узнают. Узнавали...

– И будут узнавать. Не зря же я вложила столько сил в твое воскрешение.

– А подруги?

– Зачем мне помощь подруг? – искренне удивилась Оля. – Я заплатила за процедуру сама. Недешево обошлось, но, полагаю, мы вернем деньги быстро.

– Надеюсь, – не стал спорить Соловей. – Скажи лучше, в этой гостинице подают завтрак? Я хочу чего-нибудь выпить. Только шампанское не люблю.

– Может быть, коньяк?

– Подойдет.

Оля подошла к маленькому холодильнику и достала оттуда легко узнаваемую бутылку «Хеннеси ХО».

Дима тяжело вздохнул. Простушка... Даже не знает, что коньяк не ставят в холодильник. Это ведь не водка и даже не виски. Так какая же она фотомодель – не угощали ее коньяком никогда? С другой стороны, фотомодели мозги не нужны, и про коньяк она знать не обязана. А выбор напитка радовал. Стало быть, деньги у Оли Наумовой имеются. Была бы она обычной серенькой поклонницей – продавщицей из супермаркета или какой-нибудь швеей-мотористкой, – ей бы пришлось за этот номер в отеле и за коньяк отдать годовую зарплату.

Но все-таки как он сам сюда попал? Что произошло? Все эти разговоры относительно будущего, о том, что он умер и воскрес... Ведь такого не может быть! Нужно меньше увлекаться стимуляторами. А то, как девушка изменила внешность? Может быть, и правда, в прошлое пробуждение он еще не пришел в себя после сложной медицинской процедуры? Лучше об этом не задумываться.

Выпили по рюмке холодного коньяка – он оказался не таким уж плохим на вкус, все-таки температура – совсем не главное в благородном французском напитке. Греть да нюхать – дешевые понты богатеньких папенькиных сынков, золотой молодежи. Дима всегда так считал, но в последнее время сам проникся такими понтами. С волками жить – по-волчьи выть.

Оля между тем покраснелась и оживилась:

– Сейчас тебя почти никто не знает, Соловей, но я все исправлю. У меня есть такие знакомства – раскрутим тебя заново, станешь звездой. Суперзвездой!

У Димы внутри вновь похолодело. Он просто отказывался верить в то, о чем ему твердили.

– Так мы реально в будущем?

– Конечно, – девушка хихикнула. – И знал бы ты, как здесь здорово! Просто чудесно и замечательно. Все что хочешь. Все как хочешь. И даже больше того.

– А какой год на дворе?

Соловей ожидал любого ответа, начиная от «две тысячи сотый» до какого-нибудь «сто-тысячного» года, но девушка без запинки ответила:

– Сто пятьдесят седьмой.

– Как это? – поразился Дима.

– Ну, сто пятьдесят седьмой год новой эры, – немного раздраженно бросила Оля.

– А если по-человечески?

– Я не знаю, – пожала плечами девушка. – Какая разница?

– Что значит – какая разница?

– Все, что было, давно прошло, – заявила Оля. – Мы живем в новом мире по новым правилам.

– Значит, все заново? – спросил Соловей.

– Да. Но я тебе во всем помогу.

Девушка игриво прижалась к Диме, и тот обнял ее в ответ. Портить с Олей отношения в такой ситуации не следовало. Да и внешне она была очень даже ничего...

* * *

Разбудило меня верещание информационной панели и легкое подергивание запястья в районе разъема имплантатов. Солнце ярко светило в окно, а компьютерные системы сообщали, что мне пытается дозвониться Никита. Его озабоченное лицо занимало всю информационную панель.

– Извини, что разбудил, папа. Боялся, не случилось ли чего с тобой.

Я подошел к окну, взглянул на сверкающие в лучах солнца башни и море зелени, вспомнил вчерашний день и проговорил:

– Со мной все в порядке. А если что-то случится – разве меня не воскресят вновь?

– Конечно. Но не только гибель угрожает нам в современном мире.

– Что еще?

– В основном ошибки, некоторые из них могут стать непоправимыми.

– Не беспокойся, со мной все в порядке. Вчера я лег поздно. Побывал в вирте, сходил в магазин. Планирую позавтракать на скорую руку. Хочешь ко мне присоединиться?

– Извини... Я собирался показать тебе город, но меня пригласили на собеседование и тесты в Таганрог. Хочу поступить на рыбоводческую фабрику – от дома недалеко, работа хорошая. Как ты считаешь?

– Ни разу не был на той фабрике, понятия не имею, в чем будет заключаться твоя работа. Что я тебе посоветую? В целом желание приносить пользу обществу в рыбоводческой промышленности похвально, но решать тебе, сын.

– Ты не обидишься, если сегодня я оставлю тебя одного?

– Нет. Погуляю сам. А тебе удачи.

– Спасибо.

Я задумался о будущей работе сына. Рыбоводческая фабрика... Хм... Если учесть, что в прошлой жизни он был гражданским летчиком – как-то неправильно. Хотя... Вполне понятно, что сейчас самолеты не такие, как прежде, – если они вообще есть. Те инверсионные следы, что я видел, не слишком походили на оставленные самолетом. Да и рыбоводческие фабрики наверняка другие. Каждому придется вновь искать свою нишу в обществе. И возможно, рыбоводы 2314 года делают более сложную и ответственную работу, чем летчики первой половины двадцать первого века...

Вновь зазвучал сигнал вызова. На этот раз на экране информационной панели появился незнакомый мне молодой человек.

– Даниил, извините, если оторвал вас от дел.

– Ничего страшного. Слушаю вас.

– Я представляю проект «Авалон» – программу, направленную на воскрешение ваших близких и друзей. Хочу выяснить, согласны ли вы сотрудничать с проектом и на каких условиях?

– Извините, не понял вопрос.

– Для того чтобы воскрешать ваших родственников и знакомых, необходимо ваше содействие, ваш труд и ваши воспоминания. Готовы ли вы поделиться ими с проектом, разрешите ли использовать их в целях воскрешения?

– Естественно, – ответил я. – Поступить по-другому было бы черной неблагодарностью.

– Всякое бывает.

– Находятся люди, которые не желают помогать «Авалону»?

– Редко, но такое случается. В основном отказываются сотрудничать с проектом граждане, в личности которых преобладает скрытое мизантропическое начало. Некоторые после воскрешения даже кончают с собой – хотя мы, разумеется, можем воскресить их вновь.

От последних слов представителя программы у меня прошел мороз по коже. Вот она – организация, которая сильнее полиции и армии, спецслужб и правительства. Проект, который владеет «контрольным пакетом» воспоминаний всех людей планеты и властвует над их жизнями. «Авалон» наверняка имеет огромное влияние. Ведь его руководителям решать, по какому пути пойдет общество, будет человек жить или умрет. Если раньше правители могли лишь погубить человека, «Авалон» может заставить его жить вопреки его желанию.

Отогнав видение тоталитарной организации прочь – не стоит, пожалуй, применять стереотипы двадцатого века к нынешним реалиям, – я ответил:

– Буду рад помочь в воскрешении своих родственников, друзей – словом, всех, кого потребуется воскресить.

– Даже так – всех? – тонко улыбнулся молодой человек.

– Почему нет?

– Обычно люди неохотно вспоминают врагов. И не хотят, чтобы они жили.

– У меня было не так много врагов.

– А недоброжелателей?

– Почему вас это интересует? – поинтересовался я.

– Потому что вы должны понимать свою меру ответственности. Вы можете помочь в воскрешении своего соседа, который воскресит другого соседа, того, который отлично помнит вашего злейшего врага и хочет видеть его живым. Иски о нанесении ущерба к программе «Авалон» и частным лицам в таких случаях не принимаются.

– Полагаю, если человек недоброжелательно ко мне относится, это еще не повод для того, чтобы вычеркнуть его из жизни.

– Вы прямо-таки образец толерантности, Даниил.

– Нет, что вы! Просто я прожил достаточно долгую жизнь и научился терпению.

– Отлично. Тогда я предлагаю вам график посещения местного восстановительного центра «Авалона».

– Вы не принимаете воспоминания через вирт? Обязательно личное присутствие? – уточнил я.

– Да. В центре имеется специальная аппаратура, позволяющая стимулировать воспоминания, пробуждать подсознание, исследовать мозг. Малейшего искажения пакета передаваемой информации достаточно для того, чтобы аппаратура сработала некорректно. Для пользователя вирта даже десятипроцентная потеря информации не является проблемой, а для нас и один процент – много. Мы имеем собственные сети и программы, пересекающиеся с пространством вирта лишь частично.

– Ясно. Никаких проблем. Я готов работать, когда нужно.

– Ждем вас на первый сеанс завтра, в четырнадцать часов, вход номер тридцать пять.

Молодой человек пропал с экрана, вместо него появилось сообщение: «На ваш счет зачислено 200 рублей. Основание – согласие участвовать в программе восстановления личностей сограждан».

С первого взгляда могло показаться, что деньги так и сыплются на вновь воскрешенных. Но я, со свойственной мне подозрительностью, видел в этом подвох. Скоро бонусы закончатся, а привычка иметь на счету приличную сумму останется. Или несколько сотен рублей – не слишком большие деньги? А потомки и правда считают, что всем обязаны нам? Так-то оно так, да только скоро «стариков» станет больше, чем тех, кто никогда не умирал. И обязательства современных обитателей Земли перед нами отойдут в прошлое.

* * *

Почти у самой вершины Дарханки, среди камней, росло высокое дерево, увешанное ленточками еще гуще, чем священное деревце на склоне. На каменистой почве под ним лежало несколько монеток. Хонгр удивился – после воскрешения он еще не видел монет – и поднял одну.

– Не стоит этого делать, – прошептала Лилия.

– Я верну обратно, – отозвался Хонгр, рассматривая металлический кружочек.

Монета была из алюминия, с китайскими иероглифами. Дата на ней не радовала новизной: 2151 год. Седая древность... Хонгр не удивился бы, если бы узнал, что монета – сувенирная, выпущенная специально для ритуальных целей. Уже в его время пользовались преиму-

щественно электронными деньгами, хотя на черном рынке еще ходили банковские купюры, монеты из драгоценных металлов и слитки, а также талоны на продовольствие и горючее, банки с тушенкой и пакеты с рисом и обезвоженной картошкой, патроны и серебряные ложки... Но это уже в разгар военных действий в Тибете, когда мировая экономика рушилась, продовольствия и патронов не хватало, а люди потеряли и ценности, и ориентиры.

Вспомнив про обычай предков жертвовать что-то духам горы, Хонгр решил, что из несомненно ценных для него вещей может оставить здесь только гранату. Но вряд ли стоило показывать ее Лилии, и слишком опасно оставлять такое мощное оружие там, где его могут найти дети. Да и что самому делать без гранаты?

Лилия подошла к дереву, прикоснулась к стволу, о чем-то задумалась. Вид у нее был опечаленный, и сама она напоминала поникшее деревце. Не задумываясь над тем, понравится это девушке или обидит ее, Хонгр подошел к ней сзади и обнял. Не очень крепко, по-дружески.

Сначала Лилия словно бы и не заметила прикосновения Хонгра, потом погладила его по руке и спокойно сказала:

- Пусты.
- Почему?
- Потому что мы еще слишком мало знакомы.
- И только? – улыбнулся Хонгр.
- Разве этого мало?
- Нет, что ты! Меня радует, что тебя останавливает только это.

Плоская коробочка коммуникатора Лилии настойчиво завибрировала, зашептала что-то странным речитативом. Девушка раздосадованно посмотрела на нее и хотела нажать на сенсор отбоя, когда коммуникатор ожил и заговорил человеческим голосом, причем на русском языке:

– Привет, солнышко. Я уже тебя вижу. Подлетаю, сейчас заберу тебя в столицу. Есть срочное дело.

Хонгр удивленно взглянул на девушку:

- Отец?
- Жених, – ответила она.
- Вот как... И что, полетишь с ним?
- Пока да.
- А потом?
- Потом будет видно.

Вдали, под горой, показалась жужжащая оранжевая точка вертолета. Она быстро приближалась.

- Ничего, что я здесь? – спросил Хонгр.
- А что можно изменить? – усмехнулась Лилия.
- Ну, я мог бы отойти в сторонку, или меня все равно увидели бы?
- Ты боишься?

Настал черед усмехнуться Хонгру:

– Боюсь? Я уже лет двести как ничего не боюсь. Просто не хочу, чтобы у тебя возникли неприятности.

- Из-за чего?
- Ну да, я же просто дикий пастух, – неожиданно для себя самого обиделся Хонгр.
- Какие глупости, – с интересом взглянув на молодого человека, протянула Лилия. –

В древние времена, похоже, мыслили не так, как сейчас.

– Ничего, я быстро войду в курс дела, – пообещал Хонгр. – А твой жених кто – бизнесмен, бандит или просто богатенький папенькин сынок?

– Пожалуй, бизнесмен, – ответила Лилия. – Программист, даже хакер. Видел, как нас нашел? А ведь я пыталась спрятаться. Но с подаренным им коммуникатором не слишком-то вышло. Я сглупила.

– С каждым бывает.

– Александр – он разный. Я вас сейчас познакомлю.

– Ага, – кивнул Хонгр. – Он русский?

– Отчасти.

Вертолет поднялся выше горы, чтобы выбрать место для посадки, и сел в каких-то десяти метрах от священного дерева. Ветви на нем затрепетали, ленты затрещали на мощном ветру. Несколько ветхих лоскутов оборвались и унеслись прочь.

Вот и повод подрасться – оскорбление священного места... Хотя сам Хонгр не придерживался определенных религиозных доктрин, ему никогда не нравилось, когда оскорбляли чувства верующих. Помнится, он даже делал выволочку каким-то парням за то, что они неподобающим образом вели себя в полузаброшенном буддийском храме.

Дверь вертолета отъехала в сторону, из кабины выбрался паренек – как показалось с первого взгляда, лет семнадцати. Приглядевшись, можно было понять, что ему несколько больше, а может быть, и намного больше, но худоба, слабо развитые мускулы и мягкие черты лица делали молодого человека похожим на подростка.

Жених Лилии был аккуратно причесан и как-то слишком элегантно одет. Не строго, не вычурно, но в дорогие, дизайнерской работы вещи. Хонгр не слишком в этом разбирался, однако понял, что парень совсем не простой. Для полноты картины молодому человеку не хватало очков. В нынешние продвинутые времена коррекция зрения полностью изжила близорукость, и очкарики, оставшись таковыми в душе, лишились своего главного атрибута – неудобной конструкции из стекла, металла и пластика.

– Привет! – Парень и бровью не повел, увидев рядом со своей невестой молодого человека. – Александр Парамонов, рад познакомиться!

– Хонгр.

– Лилия, – сказала девушка и рассмеялась. – Тоже рада!

Александр сдержанно улыбнулся и обратился к Хонгру:

– А вы – новое увлечение Лилии?

Хонгр не нашелся, что ответить. Согласиться – поставить себя в идиотское положение. Отказаться – будешь выглядеть еще глупее. Но кулаки у него словно сами собой разжались. Бить такого мальчишку, все равно что ребенка обижать.

– Мы просто гуляем, – ответила наконец девушка.

– Очень славно. Но сейчас требуется наше присутствие в городе. Вас подвезти, Хонгр?

– Спасибо. Я как-нибудь сам. А Лилия и в самом деле хочет уехать?

Хонгр все-таки попытался «спасти лицо», пойти на конфликт. Вышло не слишком удачно. Да и злобы он не чувствовал.

– Да, Лилия хочет, – уверенно ответил Александр. – Ей срочно нужно в Улан-Батор.

– У меня машина под горой, – заявила девушка.

– И в чем проблема? – спросил Парамонов. – Хонгр отгонит ее к ближайшему поселку. Или она сама доедет, я разблокирую замок дистанционно.

Лилия подошла к Хонгру вплотную, на мгновение прижалась к нему и поцеловала в щеку:

– Пока!

– Пока, – ответил ошарашенный революционер.

– Я полагаю, мы с вами, Хонгр, целоваться не будем, – усмехнулся Александр. – Возможно, еще увидимся. До встречи.

Руки он не протянул, но выглядело это вполне естественно, и ощущения, что Александр обиделся на Хонгра или, скажем, на свою невесту, не возникало.

– Счастливо, – бесцветно отозвался Хонгр. Таких странных чувств он давно не испытывал.

Лилия поднялась в вертолет, Александр взлетел в кабину, словно и не был хлипким «ботаником». Лопасты закружились, и оранжевый винтокрылый аппарат взмыл вверх, осыпав Хонгра мусором и каменной крошкой.

Проводив машину взглядом, Хонгр вспомнил, что так и не показал Лилии земляничные поляны за горой. Правда, сейчас на них не должно быть ягод, но ведь сама земляника никуда не делась...

В расстройстве Хонгр присел на большой камень под священным деревом, хлопнул себя по карману в надежде найти там пачку сигарет – хотя бросил курить еще в прошлой жизни, года за три до гибели. Табака тогда было мало, усилия, затраченные на его поиски, не окупали сомнительного удовольствия. А на марихуану, которую покуривали некоторые революционеры, Хонгр перейти не решился. Не тот формат.

После хлопка по одному карману завибрировал другой. Шар коммуникатора проснулся, налился кроваво-красным светом, который просвечивался сквозь ткань кармана. Лилия? Но на ее вызов настроен фиолетовый цвет. Красный – экстренный вызов.

Хонгр нажал на сенсор активации.

– Рядом никого? – Хриплый голос Бада Раймана революционер узнал сразу, но звонок соратника не слишком его обрадовал. Впервые за много дней Хонгру хотелось побыть одному – и вот тебе!

– Уже никого.

– Шлепнул свидетелей? – Бад хохотнул.

– Ты меня с кем-то перепутал.

– Ну да, ну да. Слушай, нужно устранить одного человека, вредного для дела. Возьмешься?

Хонгр поморщился. Бад берет на себя слишком много. Проворачивает какие-то темные делишки под революционным флагом. Так всегда было, кто спорит, но не настолько открыто. Райман слишком часто то возил контрабанду, то грабил банки, то участвовал в акциях устрашения. А сейчас – убийство. К пролитию крови революционерам не привыкать, но хотелось бы, чтобы это была нужная кровь...

– Заказ втемную? – мрачно спросил Хонгр.

– Да, пришел от соратников из Европы. Не хотят светить своего человека, а враг требует срочного устранения.

– Кто такой? Промышленный магнат? Олигарх? Преступник?

– Все гораздо проще. Мелкая сошка, только что воскрешенный, как и ты.

– Зачем же его устранять?

– Нужно. Он меняет расклад не в нашу пользу.

– Стукач?

– Откуда я знаю? – раздраженно бросил Бад. – Я тебе говорю – заказ соратников. Компьютеры просчитали, что этот воскрешенный будет воздействовать на дело крайне негативно. Сечешь?

Хонгр помолчал, думая.

– А какой смысл его убирать? Ведь спустя несколько дней его воскресят вновь.

– Не нескольких – сорок дней им подождать придется. А за это время много воды утечет. Мир изменится, мировые линии скрутятся совсем по-другому. Да и вообще, европейцам виднее, а? И они платят.

– Не скажу, что ты меня убедил.

Хонгр постучал пальцами по коммуникатору, лицо его стало мрачным.

– Так что, берешься? – продолжал настаивать Бад. – Дело плевое. Главное, тебя не знает никто, и документы в порядке. Приедешь, выстрелишь, вернешься. Пара дней – и масса пользы. Счет пополнится неплохо...

– Нет. Не хочу.

– Не ожидал.

– Я революционер, а не убийца. Ответ окончательный.

– Понял, – раздраженно бросил Райман.

– И еще... Скажи, организация может дать мне денег на автомобиль? – поинтересовался Хонгр. – Надоело сидеть в этой берлоге безвылазно.

Бад хохотнул:

– Весь ты в этом, Хонгр. Работать отказываешься, свое требуешь. Подкинем денег, куда деваться. купишь тачку, она пригодится организации.

– Спасибо.

– Ладно, пока.

– Пока. Не много мы наболтали? Все-таки телефон.

– Это не телефон, дружище. Давно уже не телефон. Проще выследить нас на земле, чем в Сети. Разве нет?

– Не знаю, – буркнул Хонгр. – Все зависит от того, кто и с кем говорит.

– Ты мне не доверяешь? – нахмурился Бад.

– Мы не в детском саду и не в скаутском лагере, – жестко ответил Хонгр. – Ты знаешь, на что подписался, и я знаю. Бороться с системой всегда тяжело. Система сминает.

– Но не нас! – Райман поднял вверх палец каким-то театральным жестом.

– Да. Нас не сломить, – девизом ответил Хонгр. – Пока, Бад. Держи меня в курсе дел.

– Обязательно.

* * *

Мобиль стремительно скользил по струне над рощами и теплицами. Встречных мобилей попадалось мало, и все больше грузовые, без стекол – квадратные металлические коробки. Обилие теплиц меня удивляло – ведь климат стал тропическим – до тех пор, пока я не получил справку о современном земледелии. Оказалось, что в теплице удобнее поддерживать нужную температуру и нужную влажность, распределять растения по высоте. Урожаи при правильном планировании не просто повышались – увеличивались в десять раз.

Пространство вокруг городов нужно экономить. Хотя Россия по-прежнему богата территориями, а транспортные расходы на струнном транспорте не слишком велики, стратегия развития сельского хозяйства и промышленности – интенсивная, а не экстенсивная. Вместо пшеничного поля или луковой плантации под открытым небом лучше высадить сосновую рощу. Атмосфере нужен кислород, людям – места для прогулок и временного уединения.

Теплицы и фермы, рощи и маленькие речушки – в реальности все выглядело так же, как и в компьютерных моделях. Зелень густая и буйная, насекомых мало. В открытое окно бюджетного мобиля с маломощным кондиционером и пластиковым салоном мухи не залетали. Под палящим солнцем было жарко, но я хотел вдохнуть настоящий, а не кондиционированный воздух.

Мобиль я арендовал. Проблем с однодневной арендой не возникло, а домашний компьютер подсказал, что для дальней прогулки аренда будет удобнее и обойдется дешевле, чем использование такси. Сейчас оранжевая кабинка несла меня к озерцу возле деревни Киселево. Сохранилось ли оно? Окружено ли домами или теплицами? Или этот прелестный уголок дикой природы – пробив плодородный слой почвы, у берега высились скалы, отроги древнего Донецкого кряжа – остался нетронутым?

На информационной панели мобиля мигнул значок принятого сообщения. Я активировал послание и услышал бодрый голос Кирилла:

– Рад, что ты решил прогуляться, Даниил. Высылаю подборку песен твоей молодости. Надеюсь, угадал с предпочтениями, хотя полностью не уверен. Слушай на здоровье. Скоро увидимся.

Кирилл замолчал, а в мощных колонках мобиля раздался голос Цоя:

– Здравствуйте, девочки! Здравствуйте, мальчики...

Песня об алюминиевых огурцах, которую Кирилл уже цитировал в вирте, когда мы сидели в рыцарском замке и рассуждали о лунной колонии. Как давно я ее не слышал! Как давно она не звучала на Земле... Мысль была спонтанной и неверной. Почему не звучала? Сейчас возвращались к жизни люди с самыми разными вкусами. Да и сакраментальная фраза моей молодости «Цой жив» приобретала совершенно новый смысл. Может быть, он действительно уже жив, хотя и умер гораздо раньше меня? И поэт «Алюминиевые огурцы» с современной аранжировкой, но прежним составом музыкантов?

Просто мороз по коже, если представить, какие перспективы открываются перед человечеством! Ведь воскресить можно не только Цоя. А Моцарт? Бетховен? Паганини? Великие и трагические таланты прошлого, которые скоро смогут очнуться от векового сна и вновь начать творить.

Подозрительно быстро я привык к факту своего воскрешения. Безоговорочно поверил в то, что воскресли или скоро воскреснут мои родственники. Чудесам, которые происходят с тобой, вообще удивляешься не так сильно. Но возможность воскрешения великих талантов прошлого потрясала воображение.

Вполне понятно, что программа «Авалон» во многом затевалась для того, чтобы воскресить Пушкина и Достоевского, Ньютона и Эйнштейна, Резерфорда и Менделеева. Какие возможности откроются перед ними сейчас! Какие перспективы откроются перед всеми нами!

Мобиль взобрался по струне на холм. Вдали блеснула синим излучина маленькой речки. На пригорке неподалеку сверкал золотой купол на белоснежном храме. Восьмиконечный крест на куполе, кресты на кладбище рядом с церковью...

– Переход на ручное управление, – сообщил я компьютерной системе управления мобилем. – Наземный режим.

Кабинка мобиля с некоторой долей грациозности соскочила на зеленый луг и медленно, переваливаясь с колеса на колесо, покатила к храму. Дороги здесь не было – только пешеходные тропки, заросшие вездесущим спорышем и подорожником.

Площадка перед храмом пустовала. Мобиль, хрустя гравием, подкатился к дальнему концу ограды и замер. В траве стрекотали кузнечики, вокруг царило безлюдье. И все же церковь не выглядела заброшенной. Я сверился с календарем – понедельник, девятое октября. А ведь и не скажешь, что осень. Прежде узнать, какой сегодня день недели и какой месяц, мне в голову не пришло. Хватило того, что я знал год... Счастливые, как известно, часов не наблюдают. А кто счастливее вернувшихся из темных глубин небытия к жизни?

Я поднялся по низким ступенькам. Широкие ворота храма были прикрыты, но не заперты. Постояв несколько секунд, вошел внутрь. И здесь никого. Лампады перед иконостасом, несколько горок свечек на низеньком столике у входа. Сверху, над столиком, на белом листе распечатка цен на свечи: от копейки до десяти рублей.

Пахло в храме деревом и совсем немного – ладаном, чуть-чуть – старым, но чистым деревенским домом, еле заметно – известкой. Здесь было прохладнее, чем на улице, и очень тихо. Некоторые половицы поскрипывали под ногами.

Жаль, что в церкви совсем нет людей... Не с кем даже поговорить. Мне хотелось узнать, как вера в Бога и молитвы ему – простые, в тихом деревенском храме – соответствуют тем

чудесам, что мы видим вокруг. Самой концепции воскресения. А ведь этот храм не исторический памятник. Его вообще не было на этом месте триста лет назад.

Я зажег свечи от лампы, поставил их перед иконами, перекрестился и вышел в притвор. Здесь, на входной двери, было прикреплено бумажное объявление: «Всех, кто хочет узнать больше о православии, приглашаем в Православную миссию в вирте, код прямого доступа 111777. Работает детская воскресная школа».

Надо будет зайти в церковь в виртуальном пространстве. А сейчас – дальше. После посещения пустого храма мне стало тоскливо и одиноко – впервые за все время после воскресения.

* * *

Завтракать Соловей и Ольга спустились в ресторанчик на первом этаже отеля. Постояльцев здесь оказалось немного, друг на друга они не обращали никакого внимания. Вернее, те, что были вместе, конечно, разговаривали друг с другом, но на новых посетителей никто и не посмотрел, что Диму слегка обидело – он привык, чтобы его узнавали. За границей, конечно, узнавали не всегда, но часто в отелях жили соотечественники, которые всегда были рады шумно поприветствовать звезду эстрады. Соловей всегда делал вид, что внимание ему надоело, но внутренне блаженствовал.

Шведский стол предлагал гостям «Мэн-Тесса» омлет – в жестяном судке горели две свечки, чтобы кушанье не остыло. Фарфоровое блюдо украшало несколько румяных, только из духовки, булочек, в большой хрустальной вазе лежали фрукты. Чистые скатерти, блестящие столовые приборы. Приятное местечко, тихое.

Дима положил себе полную тарелку омлета, взял пару булок. Оля ограничилась одним яблоком – не иначе сохраняла фигуру. Взяла вилку и ножик, начала нарезать яблоко тонкими ломтиками. Получалось у девушки так себе, яблоко норовило покатиться по тарелке, и Оля сосредоточенно хмурилась. Наверное, привыкла есть яблоки без затей, просто кусая, а сейчас стеснялась.

– Тебе больше ничего не хочется? – спросил Соловей.

– Нет, – скромно улыбнулась девушка.

– А кто все эти люди? – Дима обвел рукой вокруг.

Оля удивленно взглянула на него:

– Понятия не имею. Какая разница?

– Я о том, что они, наверное, туристы. Или, как и мы, из прошлого?

– Лично я из настоящего, – заявила Оля. – И тебе советую относиться к жизни так же.

Что было, того уже нет. А мы есть.

– Ну, отлично, – без особого энтузиазма проговорил Соловей. Происходящее ему не то чтобы не нравилось – не внушало доверия. Казалось каким-то глупым и неестественным. – Выпить тут можно?

Не дожидаясь ответа, Дима жестом подозвал официантку, коротко бросил:

– Сто граммов коньяка.

– Советский, дагестанский, армянский, «Белый аист»? – уточнила официантка.

– Советский? – удивился Соловей. – Это еще что такое?

– Стиль «ретро».

– А, ясно... Винтаж. Приличнее ничего нет?

– Французский бренди.

– Тащите хоть что-нибудь... Ты будешь?

Ольга не отказалась.

Коньяк был подан в графинчике и немилосердно драл горло. Не «Хеннесси», прямо скажем. Ну и ладно. Зато вокруг смотреть стало приятнее, и даже хмурые лица туристов пока-

зались Соловью симпатичнее. А уж спутница его – настоящая красавица. Надо же, заботится о нем. Любит, наверное. Ничего, он еще увидит небо в алмазах. И девочку отблагодарит. Можно будет взять ее в подтанцовку – на большее простушка вряд ли способна, да и не стоит баловать... А если она дочка какого-то влиятельного человека? Тогда можно жениться. Сейчас, без друзей и связей, он никто. Нужна поддержка, нужен спонсор, продюсер.

Оля от коньяка покраснелась, стала еще симпатичнее.

– Пойдем погуляем по городу? – предложила она.

– А документы? У меня ведь документов нет, – внезапно сообразил Соловей. – Куда я без паспорта?

– Паспорта нет, но сейчас документов нигде не спрашивают. Насчет этого не переживай.

– Без бумажек жить нельзя.

– Сейчас не бумажки в ходу, а чипы. Мы тебе сделаем электронное удостоверение личности, чуть позже. Когда опять выйдешь на сцену.

– Ясно. А когда мы начнем работать? Если ты модель, у тебя должны быть знакомые, выходы на каких-то влиятельных людей...

– А я уже начала работать, – лучезарно улыбнулась Оля. – Встреча с продюсером через два дня. Он сейчас на съемках в Рио-де-Жанейро.

– Крутой продюсер?

– Ты как думаешь?

– Ну, был бы он крутым – в космосе бы клип снимал, а не в Рио.

– И что там хорошего, в космосе?

– Невесомость. Прикольно.

– Давно уже немодно, – заявила Оля. – А мулатки всегда смотрятся эффектно. Как и блондинки.

– Можно подумать, – хмыкнул Соловей, поднимаясь из-за стола. – Я в номер на пару минут, и пойдем гулять.

– Хорошо.

* * *

Информационная панель мобили пискнула, привлекая внимание. На экране появилось сообщение: «В то время, когда вы находились в удалении от информационных интерфейсов, на ваше имя поступило сообщение». Шустрые приборы... Мои имплантаты не могли сообщить мне что-то напрямую – я еще не обзавелся коммуникатором-громкоговорителем, – поэтому они связались с электроникой мобили.

– Готов выслушать сообщение, – сообщил я в пространство.

На экране появилась хорошенькая девушка. Внимательно взглянув на меня, проговорила:

– Привет! Осваиваешься? Если хочешь, можем встретиться в вирте. В приложении – код моего прямого доступа. Правда, я собираюсь входить в вирт только вечером. Устроит?

Только когда изображение девушки пропало с информационной панели, я сообразил, что послание пришло от Виолетты, моей новой знакомой из двадцать второго века. Интересно, она намекала на романтическое свидание?

– Передать обратное сообщение, – приказал я. – Рад слышать. Буду непременно. Сейчас за городом.

Виолетта откликнулась почти сразу. На экране появилась новая картинка, и девушка на ней выглядела уже по-другому: меньше косметики на лице, слегка взлохмаченные волосы, но по-прежнему яркие и привлекательные черты лица. Дышала она тяжело, сзади громоздилось какое-то железо.

– Привет! Занимаюсь в спортзале, – сообщила Виолетта. – Надо поддерживать форму. Кстати, так я выгляжу на самом деле. Удовлетворен?

Я засмеялся, потому что радостно видеть такую красивую девушку и чтобы скрыть смущение.

– Конечно. А ты меня видишь?

– Да. Ты ведь не поставил запрет на трансляцию картинки, камеры мобиля передают изображение, – объяснила Вита. – Едешь куда-то в поля? Порезвиться на травке?

– Вроде того. Хочу посмотреть, как теперь за городом. Приобщиться к природе.

– Похвально. Ладно, встретимся в электронной реальности. У меня много дел, но вечером я буду рада тебя видеть.

– Отлично. И я буду рад.

Виолетта отключилась, я улыбнулся. Нужны ли мне такие приключения, да еще сразу после воскрешения? Опыт подсказывал, что спешить не следует. Но дерзкая длинноногая Вита мне очень понравилась – и с этим я ничего не мог поделать.

* * *

В обратный путь с вершины Хонгр отправился по другой стороне горы, через земляничные поляны. Ягод на них не осталось, выглядела земляника пожухшей. Зимой пройдут дожди, потом выпадет снег – на такой-то высоте. А весной трава воспрянет, зацветет, но к тому времени много воды утечет.

Хонгр шагал по каменистой тропке и анализировал события последнего часа. Предложение Бада неприятно удивило революционера, но о нем он думал меньше, чем о встрече с «человеком будущего» – женихом Лилии. Насколько самоуверенным оказался Александр! И возможно, у жениха имеются основания для такого поведения. Хонгр, который не боялся никого и ничего, не пасовал перед самыми высокими авторитетами, едва не отправился по его команде отгонять машину Лилии в поселок. Хорошо, что автомобиль снабжен автопилотом и постоянная помощь не понадобилась.

А что сама Лилия? Зачем она обнимала его на виду у жениха? Непонятно!

Впереди показалась развилка: одна тропинка вела на запад, другая на восток. Рядом с развилкой возвышалась куча камней, на ней трепетало несколько синих ленточек, у подножия стояла недопитая бутылка водки... Еще одно священное место, где поклоняются духам местности и вечно синему небу.

Хонгр достал из кармана обрывок косынки Лилии. Нет, это совсем не та жертва, которую требуют духи. Подарок девушки он сохранит. В брюках лежал носовой платок, белый, а не синий, какой по традициям нужен для символической жертвы. Но и белый пойдет за неимением лучшего. Хонгр оторвал от него лоскуток, придавил камнем. Пусть дорога будет хорошей, пусть духи величественной и прекрасной горы помогут ему.

Коммуникатор вывалился из кармана, покатился по камням. Не разбился – хороший пластик. Хонгр поднял высокотехнологичную игрушку, скомандовал:

– Номер Лилии.

Спустя несколько секунд нежное личико девушки показалось на голографическом экране:

– Передумал? Хочешь, чтобы мы тебя отвезли домой? Или потерялся?

Хонгр хмыкнул:

– Потеряться я могу разве в джунглях, да и то спяну. Вы уже долетели?

– Нет, подлетаем.

Девушка повернула камеру коммуникатора к окну, и молодой революционер увидел стеклянные башни Улан-Батора. В окне отражался невозмутимый Александр, сидящий за штурва-

лом вертолета. Если бы его, Хогра, невесте звонили разные типы, революционер не был бы так спокоен.

– Все в порядке? – спросил Хонгр.

– Да. Ты позвонил, чтобы узнать?

– Я хотел спросить, сколько лет Александру.

Жених Лилии хмыкнул, без приглашения возникая на экране:

– Ты все-таки заметил?

– Заметил что?

– Что я не так молод, как Лилий. – Александр сделал ударение на втором слоге, произнеся имя девушки на французский манер.

– Мне показалось, наоборот, – чувствуя себя не в своей тарелке, заметил Хонгр.

– Неужели?

– Наверное...

– Мне сто два года, – объявил Александр. – Пришла пора обзавестись семьей. А хорошую девушку сейчас найти сложно.

– Почему?

– Вирт развращает, – усмехнулся Александр. – Красавиц много, но большинство такие пустышки... Ладно, увидимся. Приезжай к нам в гости. Идет?

– Приеду, спасибо, – неожиданно для себя самого согласился Хонгр. – Когда?

– Завтра я весь день работаю, послезавтра тоже, а вот через три дня – ждем. У нас планируется что-то вроде пикника в саду.

– Буду, – пообещал Хонгр.

* * *

Неподалеку от деревни Киселево, среди зеленых полей, встречались, образуя широкое озеро, две небольшие речки. По-прежнему возвышался над берегом скальный массив, а на противоположной от скал стороне высились стеклянные блоки теплиц – слишком много дармовой воды рядом, чтобы не использовать ее. На скалистом берегу сохранился лишь небольшой участок степи. Да и сохранился ли? Растительность стала совсем другой. Для тропиков характерны свои травы.

Две большие рощи у воды я заметил еще из кабинки мобиля. Одна – пальмовая, другая – из больших широколистных деревьев. Может быть, платановая?

Глядя на знакомые, но так сильно изменившиеся места, я почувствовал себя обманутым. Здесь я бывал в юности, сюда приезжал с маленьким сыном, а потом и с внуком. И вот кто-то выстроил теплицы, посадил деревья, протоптал тропки – а меня здесь не было. Все не так! Казалось бы, на что можно обижаться? Только на то, что время прошло, и так, как было, не будет уже никогда. Даже если мы воскресим всех людей и сделаем Землю в два раза больше – мир меняется каждый день.

Оставив мобиль, я подошел к воде. Все тот же каменистый обрывчик, не слишком чистая и прозрачная речная вода – реки бегут по полям, ила на дне много. Можно окунуться, поплавать, но никто не купается. Зачем, если есть доступные аквапарки, а до моря рукой подать?

Пальмовая роща шумела на ветру. Я пошел туда – что здесь растет? Кокосы? Или финики? Может быть, эта роща вообще выросла из косточек, которые бросали на землю мы с Кириллом в последний свой приезд сюда! Правда, тогда потепление было не настолько глобальным, но могли же наши косточки пролежать в земле несколько лет? Десять, двадцать, тридцать? А потом пойти в рост, дать семена... Красивое предположение и, главное, приятное, но вряд ли. Пальмы росли стройными рядами, и фиников на них не было.

Под ногами зашуршало. Я едва не наступил на змею! Надо быть осторожнее. Наверняка в современных больницах за несколько минут могут вылечить любой укус, но все равно быть искусанным незнакомой ядовитой тварью не хочется.

А змея была слишком яркой для степной. Приползла откуда-то из Африки или Южной Азии, или предки ее приползли, когда на наши края перестали опускаться морозные зимы. Может быть, и в речке водятся анаконды... Интересно, почему в поле так мало насекомых, даже мух, которых здесь всегда хватало? Травят? Кузнечики и сейчас стрекотали, но не слишком громко.

Грохот выстрела раздался неожиданно и раскатился эхом вокруг. Бубух! Потом бухнуло еще два раза.

Кто-то охотится? Слабо верится, что сейчас, в просвещенном будущем, люди убивают животных ради забавы. А может быть, это вовсе не выстрелы? Мало ли какими шумами сопровождается деятельность человека в этой местности... Житель семнадцатого века услышал бы в двадцатом немало новых для себя звуков и вряд ли смог бы правильно их интерпретировать!

Погладив теплую и гладкую кору большого дерева, вдохнув воздух полной грудью и ощутив незнакомые запахи, я понял: место, которое я когда-то любил, стало чужим. Нет, возвращаться к старому – не лучшее решение. Нельзя дважды войти в одну реку, спустя триста лет неизменными могут остаться только безжизненные скалы. Нужно строить новую жизнь, новые отношения. Учиться, работать, осваивать космос...

Как мало я еще знаю о современном мире! Добрались ли люди до других планет, кроме Марса, и что там нашли? Готовятся ли звездные экспедиции? Какие источники используются для получения энергии? Совсем уж простой вопрос: как подпрыгивает к струне кабинка мобиля? Очень похоже на антигравитацию, потому что ни ракетных дюз, ни мощных пружин в мобиле нет, да и перегрузок во время резкого прыжка не наблюдается.

И главное, как стало возможным воскрешать людей? Какие планы есть у человечества относительно воскрешенных?

Хотя времени с моего воскрешения прошло совсем мало, повода расслабляться нет – я ведь не болен. Пора начинать работать, учиться.

Набрав прямой код доступа Кирилла, я попросил оставить ему сообщение:

– Внук, когда будешь свободен, свяжись со мной.

Кирилл отозвался сразу же:

– Слушаю, Даниил.

– Ты не работаешь?

– Работаю, но могу отвлечься на пять минут.

– Скажи, где сейчас лучше получать информацию?

– Какую?

– Любую! Ту, что меня интересует. Есть ли что-то вроде свободной электронной энциклопедии или обучающих программ?

Кирилл одобрительно кивнул.

– В вирте есть замечательная программа – «Лицей». Не помню точно код прямого доступа, узнаешь в справочной по названию. Входишь в здание, тебя встречает лектор и отвечает на любые вопросы. И не только отвечает: демонстрирует стереофильмы и опыты, проводит экскурсии, помогает решать задачи... Программа, насколько я знаю, стоила больших денег и потребовала разработки мощнейшего искусственного интеллекта, сравнимого с интеллектами «Авалона». Лицейский лектор может порекомендовать книги для чтения, интересные познавательные и художественные фильмы. Он эрудирован, понимает вопросы с полуслова. Когда меня восстановили, я беседовал с ним целыми днями.

– Программа многоканальная? – спросил я.

– То есть может ли кто-то разговаривать с лектором одновременно с тобой? Можем ли мы пойти туда вместе?

– Ну да.

На самом деле я имел в виду вовсе не это. Хотел спросить, не бывает ли к мудрецу очереди. Но и сам сообразил, что для искусственного интеллекта нет разницы, отвечать одному человеку или сразу тысяче, а то и миллиону. Лишь бы быстродействия хватало.

– Полагаю, можно зайти туда и с кем-то, – сказал Кирилл. – Почему нет? Я не пробо-вал. Но основная идея «Лицея» – виртуальное воплощение «беседы двух мудрецов» Платона. Вопрос – ответ, вопрос – ответ. Хотя лицейский лектор читает многие лекции в виртуальных университетах современным студентам.

– Ясно. Прямо сейчас и подключусь к вирту, найду эту программу. Спасибо.

– Ты не знаешь, как дела у отца? Приняли его на рыбную фабрику? – спросил внук.

– Не хотел его беспокоить в ответственный момент.

– Понятно. Ты уже успел с кем-нибудь познакомиться?

– В общем-то, да. А почему ты спрашиваешь? Как догадался?

– Здесь все происходит очень быстро. И часто бывает весьма приятно. Но все равно, будь осторожен.

– Сам-то ты осторожен?

– Конечно, – хитро улыбнулся Кирилл. Так же маленький хулиган улыбался и в три года. – И не думай, что, если ты мой дед, можешь читать мне нотации. А доверять здесь можно только родственникам и старым друзьям, да и то не всем. Общество сильно изменилось. Хотя жить, прямо скажем, можно. Ну, до встречи.

– Пока.

Спешить было некуда. Я сообщил об этом электронному диспетчеру, напомнил, что по прибытии на место меня нужно вывести из вирта, и присоединил разъемы на запястье к блоку скоростного подключения в мобиле. Спустя секунду я уже провалился в чуткий полусон на грани яви.

* * *

Над узкими улочками Риги ползли низкие хмурые тучи. Дождь не шел, но погода стояла неуютная и сырая. Редкие прохожие озирались по сторонам, скользя взглядом по вычурной лепке на домах, задирая голову, чтобы разглядеть высокие шпили соборов.

Буквально в ста мерах от гостиницы Диме и Ольге встретилось факельное шествие. Десяток людей в грубых грязно-серых рясах, с капюшонами на головах брели куда-то, топая по мостовой деревянными башмаками.

– Что за клоуны? – изумился Соловей.

– Какая-то реконструкция, – объяснила Оля. – Любители старины или актеры. Здесь же заповедник.

– Заповедник?

– Ну да. Историко-архитектурный. Ты думаешь, сейчас строят такие дома, как вокруг нас?

– Не думаю. Да и раньше строили по-другому. Ну то есть когда я жил и работал. Пел, в общем... А сейчас, наверное, везде небоскребы?

– Небоскребов много, и все они разные. Хотя многие районы сохранились такими, какими были. Интересно ведь, как раньше жили люди.

– И клипы снимать удобно, – хмыкнул Соловей.

– Ретроклипы, – уточнила Оля.

– Романтику.

– Да, романтику. Но, сам понимаешь, с декорациями сейчас проблем не возникает – все легко смоделировать на компьютере.

Соловей на некоторое время задумался, потом спросил:

– Зачем тогда твой продюсер полетел в Рио-де-Жанейро?

– Там мулатки.

– Точняк. Я сразу как-то не врубился. А не проще вызвать мулаток в Москву?

– Вообще-то продюсер из Токио, – заявила Оля.

– Реально? Круто. А я ему зачем?

– У них мода на русскую культуру.

– Ништяк... Так он японец?

– Практически.

– Русские корни или как?

– Да я точно не знаю. По внешности – азиат. По-русски говорит отлично. Но этим сейчас никого не удивишь – можно выучить язык за пару дней. Современные технологии.

– Может, мне стоит по-японски научиться? – без особого энтузиазма спросил Соловей.

– Подожди пока. Не выйдет с японцем, обратимся к турку. Тоже мощный человек.

Между тем начал накрапывать мелкий дождь. Дима оглянулся по сторонам в поисках укрытия. Кафе под ярко-красным тентом выглядело наиболее привлекательно, но ведь денег нет! Позор, у него, суперзвезды, нет денег – совсем как в начале карьеры. Просто страшный сон какой-то. Может, так оно и есть? Может, он и в самом деле перебрал и девушка дурачит его, таская по какому-то заповеднику? Надо проверить. Обязательно проверить!

– Давай выпьем кофе, – предложила Ольга, словно почувствовав смену настроения Соловья. – А потом, пока есть время, я хочу показать тебе Марс. Хочешь?

– В обсерваторию пойдем? – осведомился Дима, с трудом припомнив название места, где наблюдают за звездами.

– Нет, зачем? Побываем там.

– Как?

– Да вот так. Элементарно. Или ты боишься?

– А там страшно?

– Не особенно, – усмехнулась Ольга.

Дима подумал, что лучше бы побродил по рижским бутикам и купил каких-нибудь шмоток – ходить в одном и том же никак не хотелось. Но отказывать подруге он не стал. На Марс – значит, на Марс!

* * *

В общении с лектором программы «Лицей» время обратного пути пролетело незаметно. Я узнал кое-что новое о воскрешении, о жизни современных людей, задумался над тем, кем стану работать. Когда речь зашла о том, как далеко человечество продвинулось в освоении космоса, лектор неожиданно начал мерцать и таять – так же, как и стены лицея. Я забеспокоился, не задал ли какой-то запретный вопрос. Но вернуться в учебное заведение не мог. Перед глазами неотступно висела виртуальная информационная панель с единственной командой: «Выход из виртуального пространства». Я потянулся к ней и очнулся в мобиле, который стоял в незнакомом глухом дворике. За дверью меня поджидали люди: в их одежде преобладали синие тона, лица казались не слишком приветливыми.

– Вы арестованы, гражданин Гончаров, – объявил крепкий парень под два метра ростом, шагнув к мобиле. – Просим вас соблюдать благоразумие и следовать за нами. Соппротивление бесполезно и может пойти вам во вред.

– Кто вы такие?

– Представители комиссариата полиции. Вы можете проверить наши коды, они в открытом доступе.

Я не стал проверять коды, так как не умел этого делать, хотя было бы неплохо узнать, в самом ли деле передо мной полицейские.

– В чем меня обвиняют?

– В убийстве, – коротко ответил все тот же здоровяк. – Будьте любезны покинуть мобиль. Мы сами вернем его законным владельцам.

– Имею ли я право на звонок? – спросил я, вылезая из уютной кабинки мобиля.

– Нет. Пока нет. К тому же в звонках нет необходимости. Следуйте за нами.

Часть вторая

Современность

Пробив две дыры в банке с тушенкой, Хонгр положил ее на угли догорающего с ночи костра, присел, вороша палкой жар. Что за радость разводить овец, а при этом питаться клонированной говядиной из жестянки? Но свежего мяса хотелось не настолько, чтобы убить овцу, освежевать ее и съесть. Если бы от этого зависела жизнь, Хонгр, конечно, недрогнувшей рукой перерезал бы все стадо. Но губить овцу ради одного шашлыка не стоило...

Сзади хрустнул под чьей-то ногой сучок. Метрах в пятнадцати. Хонгр напрягся, но не подал вида, что услышал. А спустя пару секунд упал на бок, перекатился к сосне и схватил автомат. Обернулся, готовясь дернуть спусковой крючок, и увидел высокого небритого мужчину в плаще цвета хаки. Оружия у него в руках не было. Под плащом, скорее всего, оно имелось.

– Эй, эй, я ничего плохого не сделаю, – заявил мужчина. Голос его был неприятным. Почему – сказать сложно. Не низкий, не высокий, без акцента, он как-то фальшиво звучал.

– Надеюсь, не сделаешь, – буркнул Хонгр. – Ты кто такой?

– Соратник.

– Чей?

– Твой.

– Овец пасешь, что ли? Не видал я тебя прежде.

– Благословенны долгие летние дни под Недонгом, – заявил незванный гость.

Кодовую фразу для связного Хонгр выдумал и сказал Баду Райману сам. Значит, действительно соратник? Или соответствующие службы подслушали, вычислили, выпытали, а теперь прислали к нему подсадного? Нет, слишком сложно. Зачем? Если бы его вычислили, просто арестовали бы.

– Не скажу, что рад тебя видеть, но дело превыше всего, – сказал Хонгр. – Что нужно?

– Перекантоваться у тебя.

– Другого места не нашлось?

– Ты, я смотрю, гостям не рад...

– Незванный гость хуже татарина.

– База-то не твоя. Общественная.

– А я тебя выгоняю? – хмыкнул Хонгр. – Вроде нет. Но и радости от встречи не испытываю. Мог бы связаться заранее, а не подкрадываться, как на охоте. И вообще, я мог тут не один быть.

– Да будь хоть втроем, – раздраженно бросил мужчина. – Меня, кстати, зовут Минтимером. Только сокращать не надо, не люблю.

– Так ты и правда татарин? – слегка смутился Хонгр.

– Для тебя это так важно? Мне вот все равно, бурят ты, калмык или монгол.

– Присаживайся, будем завтракать, – сменил гнев на милость Хонгр. И правда, отчего он взъелся на соратника? Нехорошо!

– Давно бы так, – хмыкнул Минтимер.

Он расстегнул плащ, присел на жухлую траву, вытянул ноги в сапогах до колена. Под плащом оказались два пистолета с длинными стволами и несколько увесистых гранат. Вряд ли этим арсенал исчерпывался. За голенищем наверняка имелся кинжал, в рукаве – или граната, или метательный нож, или самострел...

– Зачем так вооружился? – поинтересовался Хонгр, хотя, конечно, спрашивать не следовало. Но он просто не знал, о чем еще говорить с соратником, и хотел загладить вину за недоброжелательную встречу.

– Дела, – бросил Минтимер. – Ты тоже с автоматом не расстаешься, как я погляжу.

– Здесь многие ходят с оружием. Волки пошаливают, даже тигры порой забредают. Камеры слежения есть не везде, всякое случается.

– А мне предстоит акция. Один не слишком опытный человек не довел до конца нужное дело. Придется подчищать хвосты.

– Надеюсь, не здесь?

– Не здесь. Но поблизости.

Разговор Хонгру не понравился. Мир велик, людей в нем много, а дел еще больше, но этого бойца прислали не по его душу?.. Хотя что ему мешало бросить гранату сразу? Может, его подозревают и Минтимер – инспектор, который должен решить его судьбу и вынести приговор?

Из отверстий в банке с тушенкой полезли пузырьки – мясо хорошо разогрелось.

– Миска есть? – спросил Хонгр гостя.

– Обижаешь, – усмехнулся тот. – И миска, и ложка, и то, что нужно к обеду.

Минтимер поднялся, сходил в лес и вернулся с вместительным вещмешком, откуда вынул посуду и бутылку водки.

– Я с утра не пью, – сказал Хонгр.

– А за знакомство?

– Может, отложим на вечер?

– Это у тебя будет вечер. У меня вечер уже сейчас. Я сюда, между прочим, на баллистическом снаряде вместо посылки прилетел, – объявил Минтимер. – У меня душа требует.

– Тогда наливай, – Хонгр заранее поморщился.

* * *

Кофе в маленьком кафе на рижской улице оказался на удивление вкусным, но сидеть было холодно даже под тентом. Дима заказал рюмку коньяку, но не согрелся, а только захотел спать. Может, его новая знакомая подсыпает что-то в еду или питье? Все время то хочется спать, то чудится что-то странное. Взять хоть этих «монахов» в деревянных башмаках или его воспоминание о пробуждении в Москве, когда он на самом деле был в Риге. Галлюцинации? Бред?

А планирующееся путешествие на Марс? Ольга, наверное, шутит. Интересно, она сумасшедшая или постоянно под кайфом?

– Как будете платить? – поинтересовался официант, когда Дима встал, чтобы помочь подняться своей спутнице. На бейдже официанта было написано: «Алексей». Стало быть, русский. Говорят, в Риге много русских, едва ли не половина всех жителей.

– Как? – повторил вопрос Соловей. Хотя бывало, что он платил сам, угощали его еще чаще, поэтому смущения певец не испытывал.

– Карточкой, – мило улыбнулась Оля. – Пожалуйста.

Официант взял карточку, приложил ее к портативному устройству, закрепленному на поясе. Устройство недовольно запищало, огоньки на нем загорелись красным.

– У вас нет денег, – скорбным голосом заявил официант. – Кредит исчерпан. Наличные?

– Тоже нет, – испуганно ответила Ольга.

– Хорошо, заплатите позже.

– Отлично! – возликовал Соловей.

– После того как я вызову полицию. Составим протокол, оформим сумму претензий, штраф – и можете быть свободны.

– Но нам нельзя в полицию! – едва не заплакала Оля. – Можно, мы расплатимся как-то по-другому, Алексей?

– Как же, интересно? – осведомился официант.

– Дима – популярный эстрадный певец. Разрешите ему спеть рядом с вашим кафе? Мало того, что он заработает деньги, он еще и привлечет внимание к заведению.

– Лишь бы он привлек хорошее внимание, – хмыкнул официант. – Что ж, только не пытайтесь сбежать. Ваши физиономии записаны камерой наблюдения. Если вы смоетесь потихому, я подам заявление в полицию, и штрафом вы не отделаетесь.

Дима надулся – когда он был маленький, отец в таких случаях говорил: «Надулся, как мышь на крупу». Соловей был крайне зол. Раздражен сложившейся ситуацией, тем, что у Ольги не оказалось денег, тем, что так нагло ведет себя официант... Почему он здесь командует? Вопросы с нерадивыми клиентами должен решать управляющий! Хотя легче ли им будет, если позовут еще и управляющего?

– Пожалуйста, Дима! Спой! – попросила Ольга.

– Нет. Я не какой-нибудь кабачный лабух.

– А ты споешь на улице! Для людей!

Соловей мялся. Выбора, собственно, не было. Но почему эта дуреха решила, что ему сразу начнут платить? Набросают в шляпу мелочи... или не набросают – то-то будет позор!

– Я прошу тебя... – молила девушка.

– Да уж что-то предпринимать надо, – подбодрил нерадивого клиента официант.

Дима криво улыбнулся, поднялся, пробормотал:

– А что? И спою. Осчастливлю народца. У вас система караоке есть?

– Есть, – ответил официант. – Пользование – два евро в час.

– А мы сколько должны за обед?

– Четырнадцать евро.

– Как говорил мой приятель Коля Онопко, «сгорела хата – гори и сарай». Тащите свое караоке на улицу. У вас что-то из моих песен есть?

Официант смерил незадачливого посетителя оценивающим взглядом:

– Странные вопросы задаете, молодой человек. Вам виднее. Если в Сети ваши песни имеются, равно как их минусовки или фонограммы, – значит, и у нас в караоке они будут. База-то общепланетная, не для одного нашего аппарата, а?

– Есть. В Сети все есть! – воскликнула Оля. – И у меня с собой тоже... Помогите нам, пожалуйста, Алексей!

– Чего не сделаешь ради клиента... Особенно если он неплатежеспособен.

* * *

Вывеска на старом пятиэтажном здании с бледно-голубыми стенами и зеркальными окнами гласила: «Комиссариат полиции». Коридоры в комиссариате выглядели мрачновато, людей внутри оказалось немного. Задержанных я вообще не увидел. Впрочем, кто мог принять за задержанного меня? Наручники не надели, руки за спину не заломили. Один человек идет впереди, двое сзади.

Но какое убийство и где я мог совершить? Меня воскресили вчера! Неужели они об этом не знают? Наверняка выяснили, если обращаются ко мне по фамилии. С современной компьютерной базой и системами наблюдения можно следить за каждым шагом человека и знать о нем все. Так чего же от меня хотят?

Может быть, они собираются инкриминировать мне какой-то эпизод из прошлой жизни? Но я никогда никого не убивал – ни в целях самообороны, ни случайно, не говоря уже о хладнокровно задуманной расправе...

Повернули налево, прошли дальше. Дверь в один из кабинетов была широко открыта, прямоугольник белого света падал в сумрачный коридор. За металлопластиковым столом у дальней стены кабинета сидела девушка. Была она малосимпатичной, хоть и молодой. Светлые, почти белые волосы, собранные в хвост, не очень выразительные глаза, нос и рот великоваты – словом, черты лица слишком резкие, не женственные. Синяя блузка с капитанскими погонами совсем не шла девушке, но она носила ее с гордо поднятой головой. Я бы не удивился, если бы узнал, что и колготки офицера полиции синие.

Крупный парень в форме без погон зашел в кабинет вместе со мной, присел на стул у стены, остальные двое остались в коридоре, прикрыв дверь. Мне указали на стул посреди комнаты. Стул оказался жестким, металлическим.

– Гражданин Гончаров? Следователь Круглова. Комиссар полиции.

– Рад познакомиться, госпожа Круглова.

– Предпочитаю, чтобы меня называли комиссар, – сухо бросила девушка. – Особой радости не испытываю.

– Как вам будет угодно, комиссар.

– Хочу сообщить вам, что вы обвиняетесь в убийстве гражданина Сергея Крушинина, гражданин Гончаров.

Девушка сделала паузу, я тоже молчал. Собственно, что я могу сообщить по данному поводу?

– Вы не хотите признать свою вину?

– Нет, конечно. Понятия не имею, кто такой Крушинин, а также кто и когда его убил. Вы, наверное, не в курсе, что меня только вчера воскресили? Я еще не разобрался в том, как устроен современный мир, какие здесь законы. Так что мне довольно трудно навредить кому бы то ни было, разве что случайно.

– А вы бы хотели?

– Что хотел? Разобраться в ситуации?

– Нет, навредить кому-то.

– Вряд ли.

– То есть маловероятно, но возможно?

– У меня есть привычка не зарекаться. К чему весь этот разговор, комиссар? Пока что я никому не причинил зла.

– Для только что восстановленной личности ваша активность удивительна. И факт остается фактом: Сергей Крушинин убит, вы находились неподалеку. Хотя ни одна из камер слежения не зафиксировала выстрела, трассеры ваших имплантатов дают четкую и недвусмысленную информацию – вы были рядом.

– Рядом с кем? Где? Когда? И что же, больше вокруг никого не оказалось?

– Практически никого.

– Странно.

– Ничего странного. Удивительно другое – заявление о том, что вы не знали Крушинина. Ваше досье утверждает, что вы одноклассники. Вместе учились в школе.

– Мое досье? – удивился я.

– Для того чтобы воскресить человека, нужно многое о нем знать, – объяснила Круглова. – Мы затребовали открытые данные проекта «Авалон» и получили недвусмысленную информацию: Крушинин знаком вам по прошлой жизни. Вы оказались в одном месте в одно время, знали друг друга – значит, у вас вполне могло возникнуть желание убить однокласс-

ника. Старые размолвки, личная неприязнь – не знаю, что произошло, но Крушинин мертв, а вы живы.

Одноклассник – другое дело. Хотя я учился в школе слишком давно... Не то чтобы я отчетливо представил Сергея, но припомнил, что у меня действительно имелся такой соученик. Мы не были слишком дружны в школе и после нее не встречались. Немудрено, что имя и фамилия ничего не сказали мне сразу.

– Да, теперь вспомнил, – сообщил я следователю.

– Тогда расскажите, как и зачем вы его убили, – оживилась комиссар.

– Вы неправильно меня поняли. Я вспомнил человека, но не знал, что он тоже воскрешен, и тем более не имею никакого отношения к его убийству.

– Трудно поверить. Вы вполне могли встретиться с ним в вирте, назначить встречу, а потом застрелить.

– При помощи чего, скажите на милость? У меня что, пистолет в кармане? Ружье за плечом?

– Нет, оружия при вас нет, сканер на входе в комиссариат не обнаружил его наличия. Но вы имели достаточно времени, чтобы спрятать или выбросить орудие преступления. Утопить в озере, например, или выбросить из мобиля в поле.

– А где бы я сейчас нашел пистолет или из чего там убили Крушинина?

– Откопали в схроне, который, вполне возможно, сами обустроили еще в прошлой жизни. Оружие в смазке может лежать очень долго.

– Триста лет?

– Я не проверяла, – не стала настаивать комиссар. – Но мы пошлем запрос экспертам.

– И этот схрон – или даже склад оружия – я организовал триста лет назад, с целью воскреснуть и сразу же убить Сергея Крушинина? Не кажется ли вам, что для этого я должен обладать нечеловеческой предусмотрительностью?

– Возможно, вам просто повезло.

– В чем?!

Я попытался подвинуть стул, но он оказался привинченным к полу. Следователь испуганно отшатнулась, а рослый сотрудник полиции привстал, когда я шевельнулся.

– Не кричите, гражданин Гончаров. Вы на допросе, – поморщилась комиссар, застыдившись своего испуга. – Оружие вы могли спрятать для других целей или купить. Все покупается и продается, нужно только знать каналы.

– Но я их не знаю!

– Голословное утверждение.

– А презумпция невиновности уже не действует?

– Действует. Именно поэтому мы с вами беседуем, в противном случае дело уже передали бы в суд. Понимаете, в Крушинина просто некому было стрелять, кроме вас. Сознаться, и дело значительно упростится.

– Где, по крайней мере, я его застрелил, по вашему мнению? Может быть, меня там и вовсе не было или у меня случился приступ лунатизма...

– Ага, ближе к делу! – обрадовалась Круглова. – Похвально, что вы готовы сотрудничать со следствием. А Крушинина застрелили меньше часа назад, на берегу озера. Того самого, с которого вы только что вернулись! Так что отвертеться не удастся. Место открытое, посещают его редко.

Современная полиция работает более чем оперативно! Пока я ехал, они обнаружили труп, выяснили, кто был в районе озера, нашли и арестовали меня... Жаль только, вся их активность не принесет пользы.

– Видите ли, госпожа... Простите, комиссар Круглова. Теперь я припоминаю некоторые странности в своей прогулке.

– Отлично, – ободряюще произнесла следователь.

– Я слышал три выстрела. Сначала один и спустя несколько секунд еще два. Но они прозвучали поодаль. Я даже не понял где. Сам я в это время гулял в пальмовой роще и не был уверен, что слышу именно выстрелы. Поэтому и не насторожился.

– Вот как? Слышали, но ничего не видели... А зачем вы пошли в рощу?

– Я же сказал: гулял. Любовался природой. Слушал шум ветра. Едва не наступил на змею...

– Вы говорите иносказательно?

– Нет, конечно. В траве пряталась змея. Яркая. Наверное, из Индии приползла.

Круглова нахмурилась:

– Медицинский трассер ваших имплантатов показывает ваше местоположение с интервалом в пять минут. Теоретически вы вполне могли быть в пальмовой роще... А потом подняться на пригорок и расстрелять Крушинина из винтовки или даже из пистолета – если вы хорошо стреляете.

– Я стреляю посредственно.

– Еще одно голословное утверждение. Даже если вы и не стреляли никогда, несколько занятий в виртуальном тире с сеансом обучающей терапии, и вы сможете стрелять без промаха.

– Надеюсь, вы найдете доказательства того, что я не подвергался подобным процедурам.

– Запрос уже сделан, – сообщила следователь. – Но трудно будет доказать, что вы не проходили стрелковую подготовку нигде. Вот если нам удастся узнать, где вы обучались стрелять, – дело другое. Это станет практически неоспоримой уликой.

– Можно задать вопрос? – спросил я. – Зачем на озеро поехал сам Крушинин? Вы не узнали?

– Мы не можем выяснить, зачем туда отправились вы, хотя и нашли вас сразу же. А Крушинин мертв, если помните.

– Моя мотивация незатейлива. Поддался ностальгии, решил побродить по полянам детства.

– Кстати, ностальгия может послужить и мотивом для убийства! – Комиссар как-то хищно оскалилась.

Ко всему прочему у нее были кривые зубы. Ладно, пусть внешность ее устраивала. Но зубы можно было поправить еще в мое время. Неужели сейчас нет хороших стоматологов?

– И еще, только сейчас сообразил. Зачем мне его убивать, когда его снова могут воскресить? – поинтересовался я.

Следователь даже покраснела от негодования:

– Не прикидывайтесь, гражданин Гончаров!

– В каком смысле – не прикидывайтесь? Его что, нельзя теперь воскресить?

– Можно. Но не сразу. И вы прекрасно осведомлены, зачем сейчас убивают людей. Об этом написано в брошюрах для вновь воскресенных.

– Не добрался до такого места, поэтому вынужден вас огорчить – понятия не имею.

– Значит, вы все-таки упорствуете? Вынуждена препроводить вас в изолированную камеру без возможности подключения к виртуальному пространству. До получения ордера от судьи.

– Я имею право на адвоката? На звонок сыну или внуку? Знаете ли, я еще не вполне хорошо ориентируюсь в современном мире.

– Все вы так говорите, – заявила комиссар. – А три четверти преступлений совершаются воскресенными. И чем дальше в прошлое, тем тяжелее проступки.

– Значит, меня будут судить без адвоката и расстреляют на рассвете?

– Не юродствуйте, Гончаров. Максимум, что вам грозит, – три года исправительных работ и возмещение ущерба «Авалону». Но в случае чистосердечного признания наказание

будет мягче. Особенно учитывая ваше положение. Вы еще не вполне освоились и не привыкли к современным реалиям.

– Но я правда его не убивал!

– В камеру!

Меня вывели из кабинета.

* * *

Видно, Минтимер за день действительно устал. Выпив пару рюмок водки, он расслабился. Взгляд соратника стал задумчивым, изучающим.

– Ты-то как, против кого борешься? – спросил он Хонгра, поддевая ложкой кусочек тушенки вместе с дрожащим прозрачным желе.

– Я – за свободу, – ответил революционер, подбрасывая в костер несколько тоненьких веточек. Сухое дерево сразу вспыхнуло ярким бездымным пламенем. – Свобода превыше всего.

– За свободу... Красиво звучит. Только совсем непонятно. Свобода ведь у каждого своя. А большой свободе не очень-то и нужно, чтобы за нее боролись. Она, свобода, не сама по себе, а вместе с нами. Она есть, когда каждый свободен или когда ты сам свободен, если на то пошло... Так что бороться можно против кого-то, а не за кого-то. Ты же не Робин Гуд?

– Нет, я не Робин Гуд. Хотя в экспроприациях участвовать приходилось. На нужды партии.

– Даже так? – Минтимер взглянул на Хонгра уважительно. – Ну да, ты, наверное, из седого прошлого... Двадцатый век?

– Нет. Я жил позже. Вырос в Калмыкии, потом мы дрались за независимость Тибета. Среди соратников было много буддистов. Они верили в перерождение. Как оказалось, не зря. Но в тот раз китайцы победили, подмяли Тибет под себя. Я узнал об этом только теперь – тогда дела шли совсем неплохо, казалось, победа не за горами. Обидно, что мы погибали зря...

– Тибет – всего лишь пешка в игре. Хоть и на ключевой клетке, – хмыкнул Минтимер. – Все человечество хотят подмять под себя. Понимаешь?

– Понимаю, – слегка удивился Хонгр. Неужели гость хочет прочесть ему лекцию по современному мироустройству?

– А кто – понимаешь?

– Машины? – предположил Хонгр. – Или интегрированная в электронное правительство элита, трехсотлетние старики, которые хотят, чтобы люди жили по их воле? Я не до конца разобрался. Меня воскресили и забросили сюда, на точку, приказали не высовываться. Но я наблюдаю, анализирую. Иногда кажется, что дела обстоят не так уж и мрачно, а иногда, наоборот, думаю, что наше дело безнадежно. Людям нравится жить так, как они живут. Нет революционной ситуации. И искусственно ее не создать...

– А кто тебе приказал законспирироваться? Соратники?

– Человек, которому я всецело доверяю. Учитель.

– Интересно...

Еще бы не интересно! Но рассказывать о генерале Ли здесь и сейчас Хонгр не хотел. Слишком личное. Недаром этого невысокого сухого мужчину, знатока восточных единоборств и интеллектуала, сравнивали с Че Геварой – он мог увлечь людей за собой. И на шестнадцатилетнего Хонгра в прошлой жизни Ли произвел неизгладимое впечатление.

А потом была учеба, служба в бригаде, партийная работа, разработка операций, бои... Столько всего – на целую жизнь хватит. Если бы Хонгра не убили молодым, если бы они все же дошли до Лхасы и подняли над монастырями и дворцами треугольные алые стяги – что бы он делал дальше? Отправился бы вместе с генералом воевать за интересы аборигенов

Австралии? Или за независимость островов Полинезии? Че Гевара в свое время сложил голову в Боливии, а генерал Ли просто исчез. Наверное, его достал тайный убийца... В исторических источниках сведений о гибели генерала не имелось. Ли пропал после тибетской войны неведомо где.

Жаль, конечно, что освободить Тибет так и не удалось. Американцы договорились с китайцами, Россия сохраняла нейтралитет, у арабских государств хватало своих проблем, – и повстанческая армия, оставшаяся без новой техники и регулярных поставок боеприпасов, была разгромлена регулярными войсками Китая... Генерал отступал с боями до самого Ирана – и вдруг исчез.

– Сам-то ты откуда? – спросил Хонгр гостя, подразумевая прежде всего время, а потом уж страну.

– Я с Луны, – ответил Минтимер. – Там тоже дела творятся, скажу я тебе.

– Что за дела?

– Узнаешь в свое время, – пообещал татарин. – Хотя лучше бы тебе об этом и не знать.

– Все так мрачно?

– Зависит от точки зрения. Ладно, я подремлю, если ты не против... Посторожишь?

– Да здесь никого не бывает почти никогда.

– И все равно. Мне нельзя попадаться. И расслабляться нельзя.

Хонгр хмыкнул, поднялся, взял с травы автомат, положил его на согнутую руку.

– Хватит, чтобы защититься от наших врагов?

– Вполне, – ответил Минтимер. – Вот лифтами я не пользуюсь. Да и такси не слишком доверяю. Запросто могут перехватить и доставить куда-то совсем не туда, куда нужно. А лазерный резак не всегда под рукой, да и камер слежения кругом навалом: каждый поднимет панику, когда ты будешь из такси не через дверь выбираться. Да, здесь почти безопасно... Не будут же в нас со спутника из лазера палить? Из пушки по воробьям.

Коммуникатор Хонгра завибрировал.

– Извини, – бросил он соратнику, отходя в сторону. Минтимер криво усмехнулся, словно бы подразумевая: понимаю, как ты соблюдаешь режим секретности, но спрашивать ничего не стал и дожидаться Хонгра тоже. Отвернулся и прилег на траву.

Вызов был от Лилии.

– Привет! Мы с Александром ждем тебя завтра в гости. Сам доберешься?

– Разумеется, – ответил Хонгр.

Приглашение теперь было совсем некстати, но не мог же он отказаться? Никак не мог...

– Отлично! – улыбнулась Лилия. – Будет много интересных ребят и девчонок. Как знать – может, встретишь свою судьбу.

– Даже так? – Хонгр хмыкнул.

– Может, и так. А может, и нет. Как получится.

– Ты-то меня будешь ждать?

– Я? – Лилия улыбнулась: – Еще бы.

– А Александр?

– Ты ему понравился. Он считает тебя забавным.

Хонгр помялся несколько мгновений, потом спросил:

– Нас сейчас никто не слышит?

– Надеюсь на это, – загадочно улыбнулась девушка. – А ты хочешь поведать мне какой-то секрет?

– Нет. Задать вопрос. Зачем ты обнимала меня на глазах у Александра?

Лилия хихикнула:

– Мне так захотелось.

– И его не возмутило твое поведение?

– С чего вдруг? Я ведь не ревную его к бывшим подружкам, которых хоть пруд пруди. Да и у нас с тобой отношения чисто романтические, ведь так?

– Романтические? – На душе у Хонгра потеплело.

– А какие же еще?

– Да, пожалуй, так. И это здорово.

– Конечно, – улыбнулась Лилия. – Ну, пока. Ждем тебя вечером, часов в шесть. Принести ничего не надо, только хорошее настроение.

– Надеюсь, у меня его будет в избытке, – не слишком уверенно заявил Хонгр.

* * *

Официант помог Соловью и Ольге выставить на улицу небольшую колонку, подключенную к усилителю, вручил певцу радиомикрофон и предложил:

– Пойте!

Оля забрала у Димы телефон и прокричала в него:

– Дорогие друзья! Вам представилась уникальная и единственная возможность услышать грандиозного певца, суперзвезду двадцать первого века Диму Соловья! Уличный концерт – специально по заявке кафе «Три кружечки эля»! Не проходите мимо, слушайте!

Соловей получил микрофон обратно и с удивлением обнаружил, что люди, падкие до развлечений, начали подтягиваться к кафе. Вроде бы на площади было совсем мало народа, но вот человек десять уже стояли в кругу и ждали его песен.

Дима приосанился, откашлялся и махнул Оле рукой.

– Что ставить? – спросила девушка.

– Давай «Мою любовь», – предложил Соловей. – Начнем с классики.

– Заряжаю.

Знакомые аккорды прямо-таки обрушились на площадь. Колонка, хоть и маленькая, звучала неплохо.

Дима запел:

*Моя любовь – как капля виски.
Сегодня ты увидишь близко
Ее... Е... Е...
О детка!*

*Моя любовь – как лучик солнца.
Сейчас ты выглянешь в оконце
И поймешь ее! Е... Е...
О детка!*

*О! О! О!
Нам будет хорошо вдвоем!*

Последний куплет повторялся раз десять на разные голоса – в этом Соловей был мастер. Зрители приняли песню с восторгом, начали хлопать неистово, будто на настоящем концерте.

Ольга воспользовалась энтузиазмом публики. Забрав у Димы микрофон, она объявила:

– Если хотите, чтобы концерт продолжился, собираем пожертвования. Кто сколько сможет – но от размера гонорара будет зависеть настроение звезды! Подходим, не скупимся!

В руках девушки появился небольшой аппарат размером с пачку сигарет, куда зрители начали засовывать свои кредитные карточки. Автомат мигал синими огнями и довольно пищал, когда его «кормили». Публики становилось все больше.

– А ведь я и здесь буду стадионы собирать, – обратился к подруге Соловей, отодвинув микрофон подальше. – Ну-ка, врубай следующую. Например, «Ласкового Соловья».

– Пой, Димочка! Покажи им, что такое настоящий голос и настоящая пластика!

Если бы у Димы был хвост, он бы его распушил. Пришлось ограничиться широко расправленными плечами и горделиво поднятой головой.

* * *

Камера предварительного заключения оказалась коробкой с обшитыми стальными листами стенами. Надо полагать, железо здесь было нужно не для того, чтобы преступник не прогрыз стену, а для того, чтобы экранировать радиоволны.

Забавно начинается новая жизнь. Прежде, когда законы были гораздо суровее – во всяком случае, за убийство давали, как правило, не три года исправительных работ, – мне в тюрьму попадать не доводилось. А сейчас – пожалуйста...

Что скажет Никита? Что подумает Кирилл? А Вита? У меня с ней свидание вечером. Вряд ли к тому времени меня вытащат из этой коробки.

Интересно, есть ли в моих имплантатах хоть какая-то база данных? Я обратился к системе. Ничего! Во встроенных накопителях памяти было зарезервировано много свободного пространства, но почти все диски – по привычке я называл зоны памяти именно так – были пусты. Одинокое болталась лишь папка с музыкой, которую прислал мне Кирилл. Но слушать музыку мысленно, через имплантаты, все равно что напевать про себя. Занятие не слишком здоровое.

Благодаря довольно-таки комфортному заточению – мебель в камере стояла вполне приличная, пластиковая, плюс питьевой фонтанчик, да и воздух свежий – у меня появилось время поразмыслить над случившимся. Насколько характерны убийства для современного общества? Этого я не знал. По логике, продвинувшиеся так далеко вперед люди должны научиться уважать жизнь других. Ведь они даже воскрешают предков... Но процесс убийства стал обратимым. Сейчас убить – почти то же самое, что сильно избить кого-то, твердо зная, что вреда здоровья противника это не принесет, только боль. Плюс расходы государства по воскрешению личности. Убийство из разряда уголовного преступления переходит в раздел злостного хулиганства с экономическими последствиями.

А почему за него так мало дают? Всего три года исправительных работ? Может быть, все зависит от способа и цели убийства? И от того, кто и кого убил? Скажем, люди двадцатого века могут стрелять друг в друга сколько угодно – им не привыкать... Если следовать логике наших потомков, конечно. И если у них действительно такая логика.

Но дело даже не в этом. Почему Крушинин оказался там же, где и я? Давно ли его воскресили? Кому понадобилась его временная смерть? Нет ответа. Трагическая случайность – слишком простое объяснение. Не разумнее ли допустить, что и меня, и Крушинина в Киселево заманили? С помощью воздействия на подсознание, например. Ведь логично предположить, что тот, кто может воскресить человека вместе со всей его памятью, может эту память и подправить...

Додумать мне не дали. Клацнул электрический замок на двери камеры, вошел Никита.

– Что случилось, папа?

– Замели. Дело шьют, – усмехнулся я.

– Ты что, в самом деле кого-то грохнул?

– Зачем?! Никого я не трогал. Поехал прогуляться за город. И вот...

Из-за плеча сына выглянула некрасивая девушка-следователь, которая любила, когда ее называли комиссаром.

– Любые ваши показания могут быть истолкованы против вас, гражданин Гончаров, – сообщила она. – Беседа с сыном записывается.

– Не сомневался.

– Пройдемте в комнату для допросов. Там я задам вам еще несколько вопросов и отпущу до выяснения обстоятельств дела. Гражданина Никиту Гончарова попрошу подождать нас в холле. Вы убедились, что с вашим отцом все в порядке, гражданин Гончаров?

– Можно сказать, да, – ответил Никита. – С тобой все в порядке, отец?

– Не знаю. Наверное. Ты поступил на работу?

– Да. Меня приняли.

– Вот и отлично.

– Еще бы, – подтвердила следователь. – Иначе поручительство гражданина Гончарова-младшего не было бы принято во внимание судом. Полные гражданские права имеют только работающие граждане.

– Полагаю, нашлись бы желающие поручиться за моего отца, – нахмурился Никита. – Он не одинок в мире.

– Может быть, – не стала спорить комиссар. – Оставьте нас, гражданин Гончаров. Мне нужно побеседовать с подозреваемым.

Никита ушел дальше по коридору, мы с девушкой-комиссаром вошли в кабинет, где меня допрашивали.

– Следствию стали известны новые факты, – сообщила Круглова, глядя мне прямо в глаза. – Вы посещали церковь. Ставили там свечи.

– Неужели и это преступление? – Я начал раздражаться.

– Нет. Но выглядит странно. Вы словно замаливали свои грехи.

– А по-вашему, у меня нет грехов? И, если на то пошло, у вас нет? Вы готовы бросить камень?

– Какой камень?

– Первый.

– Ах, вы в этом смысле... – Комиссар нервно дернула плечом, ее некрасивое лицо исказилось. – Я на службе и попрошу оставить ваши намеки, гражданин Гончаров. Вы обвиняетесь в совершении преступления, а не я. Свечи вы ставили до того, как был убит Крушинин. Значит, планировали убийство заранее?

– Никого и никогда не убивал, – повторил я. – И не планировал.

– Готовы ли вы подвергнуться сканированию памяти?

– Не знаю, что это значит. После консультации с внуком – возможно, буду готов. Пока никаких гарантий не даю.

Круглова нахмурилась:

– Что ж, срок вашего задержания подошел к концу. Но я получила в суде разрешение прикрепить к вам виртуального сопровождающего. Куда бы вы ни пошли, он будет с вами. Как в реальном пространстве, так и в виртуальном. Все ваши разговоры будут записываться, вы не сможете замести следы.

– Это законно?

– Конечно.

– Тогда что я могу иметь против? Прикрепляйте.

– Сделано. Вы свободны. В комиссариате полиции вы должны являться по первому требованию, в противном случае снова можете быть подвергнуты аресту.

– Мне, надо полагать, не следует уезжать из города?

– Почему? – Круглова впервые за время нашей беседы удивилась и от этого стала немного симпатичнее. – Отправляйтесь хоть на Луну. Но будьте готовы связаться с комиссариатом в любое время. Допросить вас я могу и в виртуальном пространстве. А если следствие потребует технических манипуляций, вы можете явиться в любой комиссариат в пределах Солнечной системы, даже на Марсе. Только полагаю, до Марса вы в ближайшее время не доберетесь. Билет дорог.

– Спасибо за пояснения. С вами было приятно работать, госпожа Круглова.

– Комиссар, – поправила меня девушка.

– Комиссар Круглова, – улыбнулся я.

Следователь не улыбнулась мне в ответ. То ли из-за служебного рвения, то ли потому, что не хотела лишний раз показывать кривые зубы. На самом деле мне стало жаль несчастную девушку. Хотя, может быть, у нее за плечами сто лет допросов?.. А если так, то еще жальче...

* * *

В Улан-Баторе Хонгр прежде ни разу не был – в точку базирования он, как и Минтимер, прибыл в баллистической капсуле. Город оказался большим, но большим в старом понимании – много зданий, громоздящихся неподалеку друг от друга, совсем мало небоскребов. Одна стеклянная башня стояла неподалеку от вокзала трансконтинентальной струнной дороги, другая – поодаль, возле холма, сливаясь с ним. В целом же казалось, что город словно и не вышел из двадцать второго века – та же архитектура, те же люди на улицах.

Сверившись с навигатором, Хонгр пересел в городское такси и отправился в салон мобильной техники на Третьей Русской улице. Большой ангар, покрытый полупрозрачными солнечными батареями, вмещал порядка автомобилей, воздушных катеров, личных мобилей и мотоциклов. Двухколесная техника сразу бросалась в глаза, да и для горных дорог мотоцикл весьма подходил, но Хонгр решил, что на мотоцикле он будет выглядеть несолидно. К тому же, хотя на мотоциклах и есть автопилот, полноценно отдохнуть в седле вряд ли удастся, поэтому мимо «Хонд» и «Харлеев» пришлось пройти.

Воздушные катера стоили дорого, но не это было главным препятствием для покупки – слишком четко отслеживались транспортной системой все полеты. Интеллект летательных аппаратов сопоставим с человеческим, они никогда не теряют связи с диспетчером. Присутствие постоянного соглядатая Хонгру было ни к чему, равно как и полеты по расписанию. А раскодировать управление и стереть данные с управляющего блока можно, только имея специальные навыки, да и то ненадолго – вычислят и поймают. Неподключенный к системе управления воздушный катер – летающая бомба.

Джипы выглядели солидно и тоже неплохо подходили для горных дорог. Большие колеса, прочные корпуса, мощные очертания... Но джип Хонгру не хотелось. Может быть, джипы не привлекали его потому, что напоминали военную технику, а душа хотела праздника.

И праздник нашелся. В дальнем углу ангара стоял открытый «Мазерати» стального цвета. Хонгр заметил автомобиль и понял, что всегда мечтал о таком. Стремительные, хищные очертания, широкие колеса, мощный и в то же время изящный корпус, яркий красный трезубец на капоте...

– На «Мазерати» скидка, – объявил продавец-консультант, появившийся перед Хонгром словно из ниоткуда. – Их производит наш завод в Улан-Баторе.

– В Улан-Баторе? – поразился Хонгр.

– Итальянцы и русские теперь клепают мобили, – с оттенком легкого презрения сообщил консультант. – В Европе на такой машине просто негде ездить – все застроено, все ползают между домов по струнам-паутинкам. Дороги остались только в Азии да в Австралии. В Африке и Южной Америке сплошь заповедники, в Европе и Северной Америке – муравей-

ники. На юге Китая и на полуостровах тоже не развернешься, но Монголия, Тибет и Сибирь способны предоставить дороги для этого роскошного автомобиля, чуда автомобилестроения нашего века. Расход водорода – полтора литра на сто километров, мощность – четыреста лошадиных сил, просвет между днищем и дорогой изменяется. Несмотря на то что «Мазерати» – спортивный, можно сказать, гоночный автомобиль, он способен преобразаться в вездеход. Система климат-контроля с воздушной квазикрышей, разумеется, тоже есть. Продemonстрировать?

– Чуть позже. А почему вы измеряете мощность в лошадиных силах, а не в киловаттах? – поинтересовался Хонгр.

– Это же «Мазерати»! Компания, основанная в начале двадцатого века! Тогда о киловаттах слухом не слыхивали. Все ездили на лошадях.

– Правда? – заинтересовался Хонгр. Он представил своего кумира, Че Гевару, на лошади – образ вышел вполне гармоничным. Потом вообразил его же в автомобиле – никаких противоречий. Наверное, и в самом деле ездили и так, и эдак...

Цена автомобиля оказалась высокой, но приемлемой. Соратники обеспечили Хонгру достаточную кредитную линию для того, чтобы он мог позволить себе большие траты. Поэтому спустя десять минут революционер смог испытать забытые ощущения поездки за рулем.

Конечно, «Мазерати» мог управляться автопилотом, более того, в некоторых случаях автопилот имел приоритет – общество не могло позволить водителю-новичку совершить аварию. Но пока автомобиль не угрожал окружающим, на нем можно было ехать как угодно. И разгоняясь до двухсот километров в час, и в левом ряду, и резко тормозя, и набирая скорость.

Водородные заправки в Улан-Баторе имелись только в двух местах. Навигатор автомобиля снабдил Хонгра необходимой информацией, и скоро пятидесятилитровый бак «Мазерати» был полон – хватит, чтобы доехать до Москвы. Но в Москву Хонгр пока не собирался...

Теперь можно было и приодеться – не являться же в гости в охотничьем костюме цвета хаки? Заехав в один из модных бутиков в центре города, Хонгр купил голубые джинсы, белую хлопчатобумажную рубашку и легкие удобные мокасины серого цвета. Даже дышать стало легче – городской воздух был горячим, а сложная система кондиционирования воздуха над открытым автомобилем только усугубляла контраст.

Оставалось найти цветы. Магазин в подвале, на который указала навигационная система, предлагал широкий выбор. Хонгр решил остановиться на классических розах – правда, не голландских, а северокорейских. Продавец предложил поместить цветы в стазис, но Хонгр отказался – до дома Александра ехать каких-то десять километров по ровной дороге. Жил приятель Лилии на окраине, в коттедже.

Довольный покупками, Хонгр расслабился, можно даже сказать – разнежился. Он чувствовал себя бойцом на пенсии, командиром большого отряда в стране победившей революции. Даже мини-гранату не стал перекладывать из кармана куртки в новые брюки, а автомат еще утром остался на базе. Да и что проку от автомата в городе, где камеры наблюдения на каждом шагу?

Расслабился Хонгр nepозволительно. Когда он удобно устроился за рулем, ворохом бросив пятнадцать роз на заднее сиденье, по капоту автомобиля застучали отлакированные ногти. Хонгр поднял глаза и увидел стройную блондинку в облегающем зеленом платье, с усмешкой разглядывающую его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.